

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра «История и философия»

(наименование)

46.03.01 История

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Историко-культурный туризм

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Русско-Японские отношения первой половины XIX вв.»

Обучающийся

М.Ю. Кондратьева

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. ист. наук, Трубицын Игорь Олегович

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2024

Аннотация

Актуальность бакалаврской работы обуславливается сложностью и неоднозначностью настоящих отношений между Россией и Японией. Такой характер взаимодействия между странами определяется значимостью собственных традиций, общего исторического прошлого между странами, а также геополитической ориентацией. Изучение исторического опыта взаимодействия между Россией и Японией может стать фундаментом для современной дипломатии.

Цель исследования состоит в комплексном анализе российско-японских отношений с начала и до 60-х годов XIX века.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- Рассмотреть политику России в Восточной Азии в первой половине XIX в.;
- Проанализировать внешнеполитический курс Японии в изучаемый нами период;
- Выявить роль Н.П. Резанова в российско-японских отношениях и охарактеризовать его личность;
- Раскрыть причины неудачи Посольства Н.П. Резанова;
- Охарактеризовать русско-японские отношения середины XIX века.

Первая глава посвящена изучению внешнеполитических концепций Российской империи и Японии в конце XVIII – первой половине XIX века.

Во второй главе представлен обзор главных событий Российско-Японских отношений первой половины XIX века, вплоть до заключения первых соглашений между Россией и Японией.

Структура работы включает в себя введение, две главы, состоящие из пяти параграфов, заключение, список использованных источников и литературы, приложения.

Объем выполненной работы: 66 страниц с приложениями.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Внешнеполитические концепции Российской империи и Японии в конце XVIII – первой половине XIX века	16
1.1 Международная политика России в Восточной Азии: перспективы, стратегия поведения.....	16
1.2 Трансформация внешнеполитического курса Японии: от китайской концепции миропорядка к модели западного типа	22
Глава 2 Русско-японские отношения в первой половине XIX в.	30
2.1 Характеристика личности посла Н.П. Резанова	30
2.2 Ход и итоги Посольства	39
2.3 Установление дипломатических отношений между странами - Посольство Е.В. Путятина	45
Заключение	52
Список используемой литературы и используемых источников.....	57
Приложение А Список используемых источников	62
Приложение Б Схема, иллюстрирующая положение Н.П. Резанова при Дворе	66

Введение

Актуальность темы исследования обуславливается сложностью и неоднозначностью настоящих отношений между Россией и Японией. Такой характер взаимодействия между странами определяется значимостью собственных традиций, общего исторического прошлого между странами, а также геополитической ориентацией. Для преодоления этого положения необходимо перейти к взаимовыгодному диалогу, основанному на взаимоуважении и понимании друг друга. Изучение исторического опыта взаимодействия между Россией и Японией может стать фундаментом для современной дипломатии.

Объект исследования – российско-японские отношения первой половины XIX века.

Предмет исследования – дипломатические и торговые взаимоотношения первой половины XIX века, определившие основы взаимодействия Россией и Японии в дальнейшем.

Территориальные рамки исследования охватывают Российскую империю и Японию, особое внимание уделено Камчатской области и полуострову Хоккайдо, а также городу Нагасаки.

Хронологические рамки охватывают период первой половины XIX века, когда случились наиболее значимые события, которые заложили основы отношений между странами. Нижние границы обусловлены посольством Н.П. Резанова 1803 года. Верхняя граница исследования обусловлена заключением первого торгового соглашения между Россией и Японией в 1855 году.

Историографический обзор. Традиция изучения российско-японских отношений в рассматриваемый нами период связана как с анализом общих тенденций развития взаимодействия между Россией и Японией, так и частных аспектов: роль посольства Н.П. Резанова и его личности в отношениях между странами; инцидент Н.А. Хвостова; непосредственное

открытие Японии, в том числе для торговли с Россией. В зависимости от используемой теоретико-методологической оптики, а также источниковой базы, изучение каждого аспекта в период с XIX века до современности изменялось и имело свои особенности.

Для характеристики историографии нами будет использован проблемно-хронологический принцип, который позволит рассмотреть генезис изучения каждого аспекта изучаемой нами тематики.

При характеристике российско-японских отношений в изучаемый нами период наибольшее внимание исследователей направлено на характеристику неудачной миссии Н.П. Резанова в начале XIX в. Внимание отечественных и зарубежных исследователей сконцентрировано на аспектах связанных с личностью Резанова, его взаимоотношениями с членами экспедиции (И.Ф. Крузенштерном, Е.Е. Левенштерном, М.И. Ратмановым и другими), действиями в Японии и после окончания посольства, а также на выявлении причин отказа японцев в торговле и последовавшие за отказом происшествия, в японской истории получившие название «инцидент Хвостова» [19, с. 67].

Обращаясь к вопросу характеристики личности Н.П. Резанова отметим, что в дореволюционный период взгляды исследователей делились на два направления – те, кто допускали несправедливость действий посланника [4; 22], и те, кто оправдывали его [7; 27; 34]. Большинство дореволюционных исследователей положительно относились к личности Посланника, либо мало говорили о его характере. Также они редко допускали, что личность Посланника могла непосредственно повлиять на исход миссии. Изучение этой проблемы начинается с конца XIX века. Тенденцию «обелять» личность Н.П. Резанова задал военно-морской историк, капитан 1-го ранга А.С. Сгибнев. Автор в своей работе «Резанов и Крузенштерн» обращает внимание на то, что Крузенштерн был назначен начальником экспедиции, а Резанов – начальником посольства. Ссылаясь на письма и записки участников экспедиции, Сгибнев утверждает, что Резанов разместился на корабле, плывшем под командованием Крузенштерна, но не был подчинённым

Крузенштерна, чем раздражал последнего. Сгибнев полагал, что Крузенштерн нарочно искал поводы унижить посланника и вступить с ним в конфликт. Сам же посланник характеризуется как: умный, образованный и деликатный [35, с. 387]. Характеризуя возникшие проблемы со здоровьем у Резанова, автор видит их причину в борьбе последнего с самим собой в попытках совладать со своими эмоциями [35, с. 387]. Точку зрения Сбигнева в отношении нервного здоровья посланника поддержали отечественные исследователи К.А. Военский, С.И. Новаковский и Д.М. Позднеев. Военский отмечал, что основным фактором неудачи стало нежелание японского правительства открывать страну для торговли, решить эту проблему было возможно, только при поддержке военной эскадры у берегов Японии. Новаковский, в свою очередь, соглашается с К.А. Военским и даже называет Резанова «человеколюбивым» [22, с. 99]. Однако, в отличие от Д.М. Позднеева и К.А. Военского, он не отрицает причастность Резанова к «экспедиции Хвостова», и не умалчивает о ней. Комментируя действия Резанова, он пишет о «жажде мести» посланника и называет избранную им тактику «путём репрессий и террора» [22, с. 112]. Ещё более необычную для того времени позицию занимает русский путешественник и географ М.И. Венюков [4]. Он приходит к следующим выводам: с его точки зрения причиной неудачи посольства стали не только японские законы и «происки» голландцев, но и поведение Посланника [4, с. 313]. Говоря о последствиях посольства Резанова – «экспедиции Хвостова» – он признаёт ответственность Посла и за произошедшее разграбление японских земель [4, с. 316]. Такая точка зрения о роли Резанова не совпадает с мнением многих современников автора. Костылёв Василий Яковлевич, консул России в Японии и первый русский академический японовед, отмечал важность реакции японцев на «экспедицию» Хвостова – укрепление границ, постройка крепостей по берегам [15, с. 380]. Сергей Григорьевич Елисеев, японист русского происхождения и основоположник американского японоведения, отмечал ухудшение отношений между Японией и Россией после «Экспедиции»

Хвостова [2, л. 1]. Разделял эти мнения и отечественный востоковед Д.М. Позднеев. Важно отметить, что Позднеев приводит мнение японского исследователя Окамото Рюноске в своей работе, который, также разделял этот взгляд на выше описываемые действия [Цит. по: 30, с. XII].

Немаловажным фактором, повлиявшим на развитие русско-японских отношений, являлись действия голландцев направленные на дискредитацию российской стороны. Этому фактору в дореволюционный период уделялось, также значительное внимание [22; 27].

Японские исследователи второй половины XIX века уже были осведомлены о причастности Резанова к «экспедиции Хвостова», а главной причиной отказа в торговле называли японскую политику. Накамура Дзэнтаро в своей небольшой монографии «История набегов на Курилы и Сахалин» говорил, что некоторые японские министры имели мнение, что русские будут насаждать свою еретическую религию в Японии, и торговля с Россией означает обмен «ненужных русских товаров на ценные японские» [Цит. по: 29, с. 114]. Также автор высказывает мнение о том, что русские были склонны преувеличивать значимость интриг голландцев, а отказ был бы дан независимо от их действий [Цит. по: 29, с. 124]. Окамото Рюноске в своём двухтомном произведении «Очерки по истории Хоккайдо в связи с отношениями России и Японии» также говорит об отказе в торговле. К бесполезности товаров и опасности веры он добавляет ещё аргумент министров об опасности, исходящей от русских – их привычке «браться за оружие и занимать чужие страны» [Цит. по: 29, с. 115].

Относительно «инцидента Хвостова» значительная часть японских исследователей говорила о личной мести Посланника. Так, Накамура Дзэнтаро полностью признавал вину за Резановым, говоря о его злобе из-за отказа и холодного отношения японцев [Цит. по: 30, с. 153]. Тем не менее, важно понимать, что обозначенные нами японские авторы писали свои статьи и монографии позже описываемых событий. Современники же тех событий, как показал Д.М. Позднеев, не сомневались в том, что приказ был

отдан из Петербурга [30, с. 212]. Подробное описание вторжения Хвостова можно найти в работе Окамото Рюноске [29, с. 156]. Автор монографии «Сахалин и Камчатка» Мацунага Тё:кэн высказывает мнение, о том, что толчок к нападению Хвостова на Сахалин дал Крузенштерн. Однако не напрямую, а посредством изложения того факта, что японцы в той местности не имеют никаких средств к самообороне [Цит. по: 30, с. 197].

Стоит отметить, что многие исследовательские работы XIX и начала XX вв. не содержали ссылок на источники. В основном это характерно для работ японских авторов, однако такого подхода придерживались и некоторые отечественные исследователи [15]. Исследования этого периода зачастую интересны тем, что авторы имели возможность общаться с участниками. Также многие из дореволюционных исследователей могли пользоваться литературой и источниками, доступ к которой сейчас получить сложно или даже невозможно. Подробная характеристика этого сюжета приведена нами в источниковом обзоре.

В советской исторической литературе Резанов представлен как образованный, решительный человек, о котором высоко отзывались японцы, особенно отмечая тактичность Посланника [19, с. 83]. Начальствование Посольством и всей Экспедицией также признавалось за Резановым [19, с. 78]. В целом, положительно описывая действия Резанова, такие исследователи этого периода, как Л.Н. Кутаков и Э.Я. Файнберг указывали на его масштабные планы по развитию Камчатского края. «Экспедиция Хвостова» представлена как акт освобождения коренных народов от японской кабалы (Л.Н.Кутаков) или как акт произвола со стороны Хвостова (И.Я. Бедняк). При этом Бедняк отмечает эксплуатацию японцами местного население и «раздувание» информации о нападении в японской прессе «до максимальных пределов» [3, с.97].

Особый интерес представляет и отличная точка зрения ряда отечественных исследователей и зарубежных политиков по поводу результатов Посольства Резанова. Некоторые дореволюционные и советские

авторы высказывали мнение, что посольство Резанова «подготовило» Японию к открытию. Такое мнение не популярно, его сторонниками были С.И. Новаковский и Л.Н. Кутаков. Среди японских политиков этой точки зрения придерживался маркиз, премьер-министр Японии и министр иностранных дел Окума Сигенобу [22, с. 104].

В современных исследованиях недопониманию между Крузенштерном и Резановым уделяется большее внимание, вопрос рассматривается более многогранно. Л.М. Свердлов посвятил этому конфликту отдельную работу. В ней автор оппонирует мнению о том, что Резанов был начальником Экспедиции, занимая сторону Крузенштерна. Также затрагивается весьма важная тема неоднозначности отданных инструкций, отданных, в том числе, министром иностранных дел, графом Николаем Петровичем Румянцевым [34, с. 33]. Другой отечественный исследователь О.М. Фёдорова в своей работе утверждает, что Крузенштерн действительно не знал о назначении Резанова начальником экспедиции. Такая точка зрения не могла иметь место в дореволюционной и советской литературе в связи с крайне лояльным отношением к Посланнику, и отсутствию сомнений в честности его слов. В современной литературе чаще допускается роль посланника в отрицательном исходе миссии и чаще говорят о его роли в «инциденте Хвостова» [11; 33].

Внимание западных исследователей к рассматриваемой нами проблеме стало наиболее активно проявляться со второй половины XX века. Авторы подчеркивают, что Резанов был ответственен за организацию «экспедиции Хвостова» [44, с. 96; 45, с. 147]. Однако Г.А. Ленсен считал, что Резанов искренне хотел отозвать свой приказ о разграблении японских земель [43, с. 164-167]

Следующими аспектами, условно нами выделяемыми в историографической традиции, являются проблемы восприятия образа «чужого» и «открытие» Японии в ходе миссии Е.В. Путятина.

Говоря о русской политике в отношении Японии, многие авторы отмечают, что российская сторона не слишком стремилась к установлению

отношений с Японией. В целом, авторы всех периодов либо вообще не говорят о планах русской стороны, либо говорят о пассивности и отсутствии серьёзных намерений российского правительства [22; 27]. При этом исследователи обращали внимание на стремление отдельных лиц к установлению таких отношений, таких как, например Эрик Лаксман, Григорий Шелихов, Николай Румянцев и Николай Резанов. Японский исследователь Икута Митико отмечает, что усилия в отношении установления торговых связей с Японией значительно снизились в результате кризиса деятельности Российско - Американской Компании [36 ,с. 29].

Как отмечает большинство авторов, японцы русских боялись, а после «экспедиции Хвостова» к этой боязни прибавилась ещё и ненависть. Японцы готовились к обороне, предполагая скорое нападение России. Практически все дореволюционные авторы говорят о подготовке Японии к российскому нападению [22; 27; В.В. Щепкин и другие]. Схожую информацию можно найти и у Барона Гюбнера - автора «Прогулок вокруг света». Исследователи обращают внимание, что в Японии в начале XIX века существовал целый лагерь антироссийски настроенных деятелей (Аидзава Сейсисай, Кудо Хейскэ и другие) [22; 27; В.В. Щепкин; 35]. Большинство авторов сходятся во мнении, что сторонников сохранения изоляции и укрепления берегов Японии на случай нападения России было в Японии больше. Реальным подтверждением этого мнения является факт, что японцы действительно готовились к нападению, укрепляя свои берега на севере. В основном учёные сходятся во мнении, что большая часть японского общества и большинство выдающихся деятелей говорили об опасности, исходящей от России, и выступали против каких-либо отношений не только с Россией, но и всем остальным миром по возможности [22, с. 63]. При этом, В.В. Щепкин и И. Митико в своих работах показали, что в Японии того периода были представлены и сторонники ее открытия – Хонда Тосияки, Сугита Гэмпаку, Сиба Кокань [41, с. 169; 35, с. 22].

Изменение политического курса Японии в сторону расширения контактов с внешним миром нашло отражение в установлении дипломатических связей с Россией в 1855 г. Миссия Е.Е. Путятина в историографии рассматривается в контексте открытия страны для торговли с ранее отвергаемыми странами [15; 19; 22]. Подписание торгового договора Японии с Россией неразрывно связано с подписанием первого договора Японии с Америкой. Оба события можно считать пограничными между изоляцией Японии и эпохой реставрации. Первой страной, подписавшей такой договор с Японией в XIX-м веке, стала Америка. Практически сразу после этого у берегов показались четыре судна под командованием адмирала Е.В. Путятина. О причинах открытия страны авторы всех рассматриваемых нами периодов высказываются достаточно однозначно. Все авторы говорят о беззащитном положении страны перед «открывателями». Костылёв описывает положение Японии начала XIX-го века как «беззащитное» и «жалкое» [15, с. 380]. Барон Гюбнер очень точно подмечает, что для подписания договоров Россия и Англия воспользовались «такими же уступками», что и Америка – воспользовалась «нравственным влиянием пушек» [8, с. 110]. При этом С.И. Новаковский отмечает, что японцы не могли дать отказ русским не только из-за страха, но и потому, что больше не могли воспользоваться тем предлогом, что закон запрещает такого рода сношения с иностранцами. На тот момент уже был подписан договор с Америкой, отказывать под подобным предлогом было бы не логично [22, с. 164]. Нестандартное мнение высказывает японский исследователь конца XIX в. Окамото Рюноске, считавший, что Япония показывала своё нежелание сотрудничать с русскими «во вне», однако «внутри» страна ожидала начала торговых отношений с Россией [Цит. по: 30, с. XII]. Такое мнение крайне редкое и представлено, пожалуй, только Окамото.

Из советских учёных об угрозе, исходящий от «открывателей» говорят Л.Н. Кутаков и И.Я. Бедняк. При этом последняя отмечает, что даже сторонники открытия страны выступали с тех позиций, согласно которым

изоляция привела бы к войне [3, с. 143]. Что же касается мнения о вынужденном открытии страны, из современных авторов выделим В.В. Щепкина и Г.А. Ленсена. Ленсен отмечает, что Путятин ехал в Японию с намерением получить «те же уступки», что были даны американцам [43, с. 162]. Таким образом, исследователи сходятся во мнении относительно «открытия» Японии. Причиной открытия было не желание японцев торговать с иностранцами, но безвыходность их положения.

В современный период стали уделять больше внимания конфликту Резанова и Крузенштерна, взгляд на это событие достаточно сильно изменился. Также стали уделять больше внимания тенденциям, различным деятелям и взглядам, прогрессирующим в японском обществе в XIX веке.

Так, рассматриваемые события изучались достаточно подробно, особенно в дореволюционной литературе. Тем не менее, комплексный анализ совокупности изучаемых событий на основе совокупности конкретных источников ранее не производился. Некоторые дореволюционные монографии мало представлены в современных исследованиях, и, можно сказать, являются забытыми.

Цель данной работы состоит в комплексном анализе российско-японских отношений с начала и до 60-х годов XIX века.

Исследовательские задачи:

- Рассмотреть политику России в Восточной Азии в первой половине XIX в.;
- Проанализировать внешнеполитический курс Японии в изучаемый нами период;
- Выявить роль Н.П. Резанова в российско-японских отношениях и охарактеризовать его личность;
- Раскрыть причины неудачи Посольства Н.П. Резанова;
- Охарактеризовать русско-японские отношения середины XIX века.

Источниковая база. Источники, представленные в работе, содержат сведения о дипломатическом взаимоотношении Японии и России,

политических тенденциях Японии по отношению к России в соответствующий период, спровоцированных конкретными событиями в мировой политике и контактами с Россией, а также сведения об этих контактах непосредственно.

Источники представлены несколькими группами:

Первая группа представлена материалами делопроизводственного характера. Нами была использована «Инструкция Главного правления Российско-Американской компании начальнику первой русской кругосветной экспедиции капитан-лейтенанту И.Ф. Крузенштерну», состоящая из 22-х пунктов, и дополнение к ней. Далее нами была привлечена копия «Разрешения», выданного А. Лаксману, которая хранится в Архиве внешней политики Российской империи под названием «Грамота японских властей, данная А. Лаксману, о разрешении «одному великороссийского государства судну иметь вход в гавань Нангасакскую». Также были привлечены «Грамота Императора Александра I Императору Японии о желании установить торговые отношения и направления с этой целью в Японию камергера Н.П. Резанова, а также о возвращении на родину 10 японцев, потерпевших кораблекрушение» и «Записка министра коммерции Н.П. Румянцева, представленная Императору Александру I, «О торге с Японией»».

Особую группу источников составили хроники г. Хакодате 鎌田作郎 函館市／函館市地域史料アーカイブ - 榎法華村史 - 第十二編 災害 - 第四章 外国船の出現 - 第一節 鎖国中の外国船の出没 - 二 前松前、前幕領時代 (пер. с японского: Сакуро Камата. История деревни Тодохоккэ – Часть 12 - Бедствия. Глава 4 - Появление иностранных судов; Раздел 1: Появление иностранных судов во время уединения – Прибытие Резанова), отчёт британского посла в Японии и Корее, Вильяма Джорджа Астана.

Третья группа источников – материалы личного происхождения. Для раскрытия изучаемой нами темы были привлечены личные записи французского япониста русского происхождения С.Г. Елисеева (Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН: Ф. 16. Оп. 1. Д. 1; Ф. 16. Оп. 1. Д. 5; Ф. 16. Оп. 1. Д. 334). Также в работе были использованы: перевод с английского подлинника письма президента США японскому Императору от 1852 года (перевод выполнен К.А. Военским); Всеподданнейшее донесение Н.П. Резанова из Нагасаки 1804 года (ОР РНБ: Ф. 152. Оп. 1. Д. 379; Ф. 73. Д. 341). Письма Н.П. Резанова к монаху Гедeonу (РГИА Ф. 796 Оп. 90 Д. 273). Рапорт генерал-майора Кошелева касательно «секретной экспедиции лейтенанта Хвостова» (РГИА Ф. 1286 Оп. 1 Д. 75).

Во время работы были привлечены личные дневниковые материалы участников событий: Е.Е. Левенштерна «Вокруг света с Иваном Крузенштерном: Дневник лейтенанта «Надежды» (1803-1806): Самое полное описание первого Российского Кругосветного Плавания»; И.Ф. Крузенштерн «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805, 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева»».

Нами также были использованы периодические издания, как доступные для общего пользования, так и хранящиеся в архивах. Из доступных периодических изданий выделим: Новое время; Санкт-Петербургские ведомости; Вестник Европы; Морской сборник. Среди малодоступных российскому читателю обозначим: The London and China telegraph; The Celestial empire и The times (ОР РНБ: Ф. 152. Оп. 3 Д. 140; Ф. 152. Оп. 3 Д. 141).

Методологической основой исследования являются как общенаучные методы: анализ, синтез, так и специально-исторические – проблемно-хронологический метод, а также историко-генетический метод (с элементами системно-структурного). Они позволили провести полноценное исследование в области международной политики России и Японии определённого периода, проследить изменения в политике государств и обозначить причины

этих изменений. Для выявления положения Н.П. Резанова при Дворе нами был использован метод сетевого анализа (SNA – Social Network Analysis), являющийся междисциплинарным и широко распространенным сегодня в социально-гуманитарных науках. Сетевой анализ проводился с использованием программы MAXQDA-2020.

Научная новизна исследования заключается том, что в нем представлен комплексный анализ Российско-Японских взаимоотношений первой половины XIX века основанном на привлечении широкого спектра опубликованных и неопубликованных ранее исторических источников.

Апробация исследования. Основные результаты исследования изложены в 3 научных публикациях, из них 1 – в рецензируемых научных изданиях. Промежуточные выводы исследования обсуждались на внутривузовских, и международных научных конференциях России: «Студенческие дни науки ТГУ» (Тольятти, 2022; 2024), «Ломоносовские чтения» (Москва, 2023).

Структура работы определена целью и задачами исследования. Состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

Глава 1 Внешнеполитические концепции Российской империи и Японии в конце XVIII – первой половине XIX века

1.1 Международная политика России в Восточной Азии: перспективы, стратегия поведения

Для полноценного рассмотрения вопроса российско-японских отношений XIX века необходимо проанализировать политику обеих стран, предшествующую тем изменениям, которые произойдут в рассматриваемый нами период. В рамках Российской политики необходимо разобрать, как происходило развитие дальневосточных земель, и роль государства в этом развитии.

В XVII веке русские путешественники и исследователи начинают активное освоение Сибири. Именно в этот период Россия находит выход к Тихому океану. В середине века Семёну Дежневу удалось дойти до пролива, который сейчас называется Беренговым. Также он был первым, кто дошёл до Камчатки. Однако его отчёты более ста лет пролежали без дела, а честь открытия обозначенных нами земель и проливов по сей день принадлежит другим людям [22, с. 7]. К тому же периоду относится установление первых торговых связей в рассматриваемом регионе.

Рассматриваемая нами в следующем разделе этой главы политика самоизоляции Японии не была исключительной для Дальневосточного региона. Другие страны с аналогичным культурным бэкграундом (Китай, Корея) также предпринимали попытки «изолироваться», ограничив сношения с европейскими странами. Подобно голландцам, у которых оставалась ограниченная возможность торговли с Японией, в XVII веке Россия сумела установить торговые отношения с Китаем. Следует отметить, что Япония, Корея и Китай на протяжении всего периода изоляции (каждой из стран) поддерживали связи друг с другом, вели торговлю. Их отношения не были сильно развиты и также носили ограниченный характер [36, с. 51].

Что касается взаимоотношений России с Японией, они начали закладываться во второй половине XVIII века – именно тогда начали появляться какие-либо обстоятельные материалы в странах о своем соседе, а также произошло первое значимое событие, давшее начало дальнейшим отношениям двух стран. Конечно, первые упоминания о существовании таких стран, как Россия и Япония появились раньше. Наиболее ранние сведения о Японии, которые на данный момент известны, были опубликованы ещё в XVII веке. Среди таких текстов «Космография 1670», «Описания первья части Вселенная, именуемой Азия...» Николая Спафария-Милеску – посланца России в Китай, и несколько других текстов [9, с. 176-177]. Именно в XVII веке в Россию в большом количестве проникали различные сведения. Так, вся информация о Японии на тот момент представляла собой переводы или пересказы трудов европейских или китайских авторов и имела описательный характер – географические, культурные, бытовые описания. Подобные произведения мало влияли на международную политику стран.

Если принять во внимание, что первые сведения о Японии в Европе относятся лишь к XIII веку, когда как о Китае в Европе говорили ещё в античные времена, то станет понятно, почему о Японии в России узнали только в XVII веке.

На стыке XVII и XVIII веков начинается активное расширение территорий России в сторону Сибири и Дальнего Востока. Во время своего похода на Камчатку, русский путешественник Василий Атласов берёт в плен знаменитого японца Дэмбея, после чего, в 1702 году, тот предстанет перед Петром I. С помощью Дэмбея вскоре будет открыта первая школа японского языка в Петербурге [22, с. 9]. Будучи заранее осведомлённым о существовании такой страны, как Япония, Пётр I принимает решение о начале подготовки экспедиции, которая нашла бы путь до Японии. План отыскать путь, который вёл бы через Сибирь в восточную Азию, родился ещё до встречи с Дэмбеем. Вдохновителем стал один из представителей

Голландской Ост-Индской компании, Николас Витасен, с которым Пётр познакомился во время своего посольства в Голландию [36, с. 52].

В 1710 году Пётр I издал указ, в котором распорядился об установлении торговых связей с Японией [40, с. 110]. Этот указ никогда не был исполнен, но, в том числе благодаря ему были осуществлены первые экспедиции на Курильские острова. Также подготовке экспедиций поспособствовали спасённые японцы, потерпевшие крушение близ Российских берегов. Именно после этой экспедиции, осуществлённой в 1711 году путешественником И.П. Козыревским, Россия начала считать жителей Курильских островов своими подданными [40, с. 110]. Путешественнику удалось побывать лишь на двух Курильских островах [36, с. 52]. Также он составил и первое Описание Японии, не переводное произведение, но составленное самостоятельно (хотя и со слов местных жителей). В «Описании» путешественник называет Японию Нифонским государством (по-японски «Япония» – «Нихон» или «Ниппон» – 日本), рассказывает о быте и географии Японии, а также указывает на отношения Японии с Китаем [40, с. 117]. В 1719 году Пётр I посылает на Камчатку и Курильские острова геодезистов Ф. Лужина и И. Евреинова, чтобы составить карты и изучить возможность добычи там драгоценных металлов. Советский учёный Э.Я. Файнберг считала, что им была также дана секретная инструкция «открыть путь в Японию» [38, с. 24]. Вероятно, эта теория возникла со слов К.М. Бэра, русского академика, хотя Файнберг не делает никаких ссылок на источник. Дело в том, что некоторые учёные, такие, как К.М. Бэр и Г.-Ф. Миллер, придерживались мнения, что путешественникам была дана дополнительная, секретная инструкция. Именно Бэр считал, что в секретной инструкции были даны указания об открытии пути в Японию. Миллер, в свою очередь, считал, что секретная цель поездки состояла в поиске драгоценных металлов [40, с. 122]. Тем не менее, как правильно отмечает современный русский учёный К.Е. Черевко, точных сведений касательно такого факта не имеется [40, с.

122]. Интересно, что в ходе этой экспедиции геодезисты дали первое название нынешним островам Курильской гряды – «Острова Японские».

Следующая экспедиция была предпринята знаменитым путешественником Витусом Берингом. Подготовка к этой экспедиции началась ещё при Петре I, но начал свой путь Беринг уже при Екатерине I [36, с. 53]. Главная цель экспедиции была изучить вопрос о возможности добраться в Америку из Азии. Однако в задачах значилось также и прояснение вопроса о морском пути до Японии, и описание островов Курильской гряды [36, с. 53]. Изначально один из кораблей Беринга сумел достичь о. Итурупа, но вскоре повернул обратно из-за недостатка продовольствия. Через год состоялась вторая попытка, притворённая в жизнь соратником В. Беринга М. Шпанбергом. Во время похода Шпанберга оба корабля экспедиции достигли побережья Японии (один – на северо-востоке Хонсю, второй – в районе префектуры Тиба). Оба корабля вынуждены были вскоре удалиться по требованию японских чиновников, однако команда второго успела несколько раз сойти на берег и произвести географические измерения [36, с. 53]. Именно М. Шпанберг считается открывателем морского пути в Японию, а также пути вдоль гряды Курильских островов.

Как уже было отмечено, начиная с первой половины XVIII века, Россия считала Камчатку и Курильские острова своей территорией. Многие учёные сходятся на том, что задумываться о военных захватах территории Японии ни русскому правительству, ни местным купцам не приходилось, поскольку для подобных действий на Камчатке не было достаточно вооружения. Тем не менее, после открытия морского пути на Курильские о-ва и в Японию русским мореплавателем М. Шпанбергом (со второй половины XVIII века), частные российские суда начали периодически приходить в японские порты в поисках провизии [15, с. 379]. Пушной промысел на Камчатке в этот период стал особенно развиваться, купеческое сословие в этих землях росло. Росло и количество японцев, спасённых у русских берегов. Последователями Дэмбея на поприще преподавания японского языка стали и другие несчастные

мореплаватели, выжившие после кораблекрушения, и оказавшиеся в России. Среди таких можно особенно выделить Гондза и Кодаю. Последний наиболее известен, о нём написана книга и снят японо-советский фильм. От части благодаря ему стала возможна первая экспедиция в Японию, инициированная Эриком Лаксманом и осуществлённая его сыном, Адамом Лаксманом.

Экспедиция, одобренная Екатериной II, состоялась, но формально от имени Иркутского губернатора. Причиной этому послужило то, что Екатерина не верила в успех экспедиции и не хотела испортить свою репутацию в случае провала [36, с. 61]. В целом, Императрица не прогадала - Лаксману не удалось установить торговые отношения с Японией. Однако им был получен симпай, разрешение на въезд одного русского корабля в Нагасаки [10]. Несмотря на полученное разрешение, следующий поход в Японию состоится далеко не сразу, поскольку Екатерина II, не видя перспективу в попытках завязать отношения с Японией, не предпринимала серьёзных попыток установить торговые отношения в том регионе. Помимо этого, её внимание было отвлечено Великой Французской Революцией. Русский учёный С. Новаковский видит главную причину пассивности Императрицы в страхе Екатерины перед голландцами и англичанами, активно продвинувшимися ещё и в сторону Великого Океана [22, с. 65]. Вследствие перечисленного «разрешением» на въезд не воспользуются ещё долгое время, что станет серьёзной ошибкой российского правительства. Активнее на экспедицию Лаксмана отреагировали непосредственно в Японии. Именно после его приезда активизировались интеллигенция, настроенная против сношений с иностранцами и видевшая в русских неминуемую угрозу. Среди таких деятелей были Кудо Хэйсукэ и Хаяси Сихэй [41, с. 168], о которых пойдёт речь во втором разделе главы.

Таким образом, можно заметить, что после смерти Петра I правительство не предпринимало серьёзных попыток к установлению связей с Японией. Изначально заинтересованы в установлении связи с Японией были отдельные личности. Среди таких можно выделить Эрика Лаксмана,

Григория Шелихова, Николая Румянцева. Именно Г.И. Шелихову принадлежит идея создания компании, которая могла бы обуздать промышленников, не подчинявшихся никаким законам и творивших бесчинства на Курильских островах. Как уже упоминалось ранее, с середины XVIII века на Курильских островах появилось большое количество так называемых посланников от различных губернаторов (например, от сибирского губернатора Самойлова), которые должны были склонить туземцев принять русское подданство [22, с. 43]. Некоторые из таких посланников были особенно жестоки. Тем не менее, многие из «посланников» и «промышленников» периодически вели неофициальный торг с японцами [22, с. 40]. Хронологию таких походов русских судов на Курильские острова можно найти в книге японского исследователя Окамото Рюноске [Цит. по: 22, с. 40]. Это крайне полезно, поскольку в России информация о таких походах была утрачена.

Жестокость посланников меркла по сравнению с деяниями так называемых промышленников этой местности. Они были ещё более жестоки, ведь часть из них составляли сосланные в Сибирь преступники [22, с. 69]. Они не только зверски забивали животных, но и крайне издевательски обращались с туземцами, держа их за скот и силой отбирая их имущество. Г.И. Шелихов также был одним из промышленников региона. Он выработал план по объединению всех промышленников в одну Компанию, которая заставила бы их действовать в соответствии с законом этой Компании. План состоялся, однако, не в полной мере. Образованная Компания продолжила заниматься такими же бесчинствами на островах, какими занимались промышленники ранее. Тем не менее, 3 августа 1798 года организация получила название Российско-Американской Компании и получила некоторые привилегии от государства. Одной из таких привилегий было «исключительное право в делах по установлению торговых отношений с Японией» [40, с. 236].

Японский исследователь Ё. Корияма считал, что с началом XIX века курс на Дальний Восток начал рассматриваться государством как необходимый для включения России в мировую торговлю. Развитие этого направления было необходимо, поскольку мануфактурное производство расширилось, встал вопрос поиска новых рынков сбыта [40, с. 238]. Что касается непосредственно руководителей РАК, они понимали необходимость укрепления своих позиций в регионе и действовали в том направлении, которое ожидало от них государство. С Кориямой солидарен и К. Черевко. Есть и другое мнение: С. Новаковский и Д. Позднеев считали, что государство не было заинтересовано в развитии Дальневосточного направления. Организацию первых посольств в Японию они полностью приписывают личным инициативам (в том числе администрации РАКа). Наш современник, историк С. Гошкевич, солидарен с таким мнением. Он отмечает, что перед РАК стояла задача снабжения восточных земель, производить которую через Сибирь было крайне нерентабельно. Также он отмечает, что именно Компания проявила инициативу и составила план Кругосветной Экспедиции, целью которой было расширение торговли в Дальневосточном регионе [36, с. 64]. Речь об Экспедиции и приуроченном к ней Посольстве в Японию пойдёт в следующей главе.

1.2 Трансформация внешнеполитического курса Японии: от китайской концепции миропорядка к модели западного типа

Взгляд японцев на мир, как и многое другое в японской культуре, складывался под влиянием китайской цивилизации. Японцы абсолютно разделяли китайское видение мира, крайне отличавшееся от европейского. В отличие от Европы, где множеству государств приходилось сосуществовать и поддерживать так называемый «баланс сил», китайская модель миропорядка подразумевает иерархическую систему [37, с. 111]. В этой системе находятся развитые культуры центра и варварские периферии.

Многие деятели культуры Хань воспринимали своё влияние на периферию как «благое» воздействие цивилизации [16, с. 107]. Переняв подобное отношение к миру, японцы начали проявлять его в различных аспектах жизни. Так, отображение китайской концепции миропорядка можно найти в японских чайных церемониях или японском классическом садоводстве [16, с. 34]. Нас же интересует аспект международных отношений – ведь именно по такой системе «периферия-центр» японцы выстраивали взаимоотношения с окружающими государствами. В таких условиях не определяются конкретных границ между культурно развитыми, с точки зрения Японии (в данном случае), государствами. Что же являлось «периферией» для японцев? Зная историю Японии, нетрудно догадаться, кого японцы воспринимали как варваров. На протяжении всей истории они подчиняли себе и колонизировали занимаемые Аину земли на севере и боролись с племенами Хаято на юге [36, с. 48]. Эдзо - «страна варваров», которая охватывала Хоккайдо и часть Камчатки, была как раз такой периферией, населённой «варварами» (Аину / Эмиси) [40, с. 103]. Интересно, что слово «Эдзо», на самом деле, являлось понятием, объединяющим все территории проживания варваров на севере, а не названием конкретной территории. Обусловленный историческим превосходством японцами над племенами, китайский взгляд на мир хорошо усвоился в японском обществе. На убеждённости в своём мировоззрении основана и реакция на первое вторжение европейцев в Японию. В XVI веке миссионеры-иезуиты смогли основать огромную христианскую общину на японском острове Кюсю. Однако отношение к европейцам не было исключительным – их также причислили к варварам, но дали им другие названия, отличные от Аину, которых они называли «креветочными людьми» (Эмиси, 蝦夷). Европейских представителей классического католичества (португальцев и испанцев) японцы прозвали намбандзин (南蛮人), то есть «южные варвары». Протестантов (голландцев и

англичан) – красноволосями варварами (紅毛人) [36, с. 49]. В итоге реакцией на новшества, принесённые «варварами», стала политика самоизоляции Японии, продлившаяся более двухсот лет. Конечно, это была не полная изоляция. Япония поддерживала отношения с некоторыми близлежащими государствами и Голландией. Для торговли в Японии был открыт только один порт в г. Нагасаки. Контакты и торговля с допущенными в этот порт странами становились всё более ограничены со временем. Так, в 1716 году сёгунат запретил множественный приход голландских судов в Нагасаки и ограничил приход до двух торговых кораблей в год (для китайцев – тридцать) [15, с. 371]. В 70-х годах ограничили и количество товаров, которые можно вывозить [15, с. 374]. В XVII веке нечаянные нежелательные контакты с представителями других культур (айну на острове Эдзо) и другими государствами (русские путешественники), особенно наталкивали японское правительство и некоторых японских мыслителей на идею открытия страны.

Говоря о первых, хоть и опосредованных, но, всё же, связях Японии с Россией, стоит начать рассмотрение именно с XVII века. Для Японии этого времени характерен такой же формат публикаций, как и для Российской стороны – взаимное изучение посредством третьих стран (в случае Японии такой страной станет Голландия). Так, первое известное современным учёным упоминание о России – это изложение «Исследование торговых сношений Китая и варваров» японского учёного Нисикавы Дзёкэн, написанное в 1695 году с помощью голландских трудов по географии [42, с. 116]. Подобные малоинформативные изложения не давали чётких представлений даже о расположении страны. Интерес к России был крайне незначительным вплоть до 1780-годов, когда в Эдо узнали о приходе российского судна к северо-востоку Хоккайдо. Чиновники из Мацумаэ доложили о приезде И. М. Антипина и Д. Я. Шабалина в составе экспедиции, предлагавшей заключить торговые соглашения с Россией [42, с. 116]. Именно

тогда японскому правительству стало понятно, насколько близко Россия находится к Японии. С того момента начали активнее переводить голландские сочинения, в которых говорится о России. Первым стал двухтомный сборник Кудо Хэйсукэ - «Изучение сведений о красных айнах». Танума Окицугу, на тот момент – глава бакуфу (военного правительства), говорил о необходимости предприятия попыток к сношениям с другими государствами, в частности - с Россией [38, с. 116]. Он был первым, кому довелось изучить ранее упомянутый нами сборник Кудо Хэйсукэ, где говорилось, в том числе, о плюсах торговых отношений с Россией. Глава бакуфу даже собирал экспедицию на Хоккайдо и Курильские острова [42, с. 118], но, к сожалению, ему пришлось уйти в отставку. По мнению американского историка Джона Уитни Холла, если бы планы Танумы были реализованы, то Япония распрощалась бы с «изоляцией» гораздо раньше, чем в середине XIX века [Цит. по 42, с. 116]. Итак, друг Кудо Хэйсукэ, знаменитый деятель Хаяси Сихей, который, в отличие от Кудо, публиковал свои исследования для широкой общественности, в 1785 году начинает обнародовать свои произведения касательно опасности России. Он ознаменовал правительство известного японского деятеля, заменившего Танума Окицугу – Мацудаира Саданобу. В XVIII веке непосредственно японцами была освоена лишь южная часть Эдзо. Относительно вопросов колонизации Эдзо возникало множество споров, поскольку колонизация означала бы сближение с другим государством – Россией. Так, некоторые деятели выступали с идеей «превентивной» колонизации земель. Основателем этой идеи был Никаи Рикэн, советник родзю (главы правительства бакуфу). В целом разница мнений состояла в следующем: кто-то хотел оставить северную часть Эдзо как буферную зону, кто-то предлагал расставить временные посты, кто-то – колонизировать превентивно (заранее), а кто-то – двинуться с колонизацией дальше острова Хоккайдо. Эти споры породил страх, подпитанный, в том числе, известным деятелем Хаяси Сихеем. Хаяси был первым деятелем (из известных нам), который поднял тему о

необходимости укрепления морских границ Японии. Основную опасность видел в лице России и Китая. Он выступал за развитие вооружения Японии, настаивал на модернизации армии и флота [41, с. 168]. Описанные нами дискуссии происходили ещё до приезда Лаксмана в Мацумаэ. Не сложно представить, какой страх и непонимание ситуации вызвал непосредственный приезд русских кораблей.

Уже в 1792 году в Японию прибыла Экспедиция Адама Лаксмана, после чего делом о сношениях с Россией официально занялось военное правительство (бакуфу) [42, с. 117]. В виду разногласий правительства, Мацудаира Саданобу занял неоднозначную позицию, выдав знаменитое «разрешение» (симпай) для входа в Нагасаки одного русского корабля. Так он соблюдал принцип «вежливость и закон» [36, с. 21], не нарушая многолетние японские традиции изоляции и не проявляя невежество жёстким отказом. В некотором смысле прислушавшись к мнению Хаяси, Мацудаира организовал береговые укрепления и экспедиции на Сахалин. Примерно со времени приезда Лаксмана в Японию Мацудаира начал писать о необходимости изучения европейских наук. Понимая опасность, исходящую от запада, он также ограничивает въезд голландских кораблей в Нагасаки [44, с. 99]. В 1798 году Кунашир и Итуруп были исследованы и перешли во владение бакуфу [44, с. 96]. Что касается сведений о России в Японии – они вышли на качественно новый уровень благодаря вернувшимся на корабле Лаксмана домой японцам. На следующий контакт с русскими – посольство Резанова 1804-1805 гг. японское общество тоже реагировало неоднозначно. Были те, кто сочли отношение к русским «скотским» (Сибба Кокан, художник и географ [41, с. 170]) и неподобающим (такого мнения придерживались даже голландцы [36, с. 22]). Тем не менее, именно благодаря действиям посланника Резанова идеи Хаяси, изначально не нашедшие сильного отклика в обществе, начали крепнуть и сыскали популярность (это произошло уже после смерти Хаяси, он умер в заключении в 1792 году [44, с. 95]). Толчком для приобретения популярности идей Хаяси послужили набеги русских на

Сахалин начала XIX века, инициированные непосредственно Н.П. Резановым (Инцидент Хвостова). Эти идеи прожили как минимум на сто лет дольше, чем их автор. В конце XIX века русский учёный и посол в Японии Костылёв напишет, что мысли Хаяси «живут в умах японцев теперь даже более, чем когда-либо» [15, с. 378]. После набегов Хвостова, на все северные берега была выставлена дополнительная защита, в том числе войска, а сам о. Эдзо (Хоккайдо) был взят под управление Сёгуната [15, с. 380]. В 1808 году на Кунашир и Итуруп прибыла армия численностью в тысячу солдат. Важно также понимать, что освоение и экономическое развитие этих земель остановилось именно из-за угрозы нападений России [44, с. 96]. Такая обширная реакция японского общества и государства вполне очевидна, если учесть, что набеги Хвостова были первым вторжением на японские земли после монгольского вторжения, произошедшего в XIII веке.

Ещё одним последствием испорченных выходкой Хвостова и его команды отношений с Японией стало пленение В.М. Головнина, пришедшего к берегам Кунашира на своём военном корабле. Капитан Головнин и его команда провели в плену у японцев более двух лет. Как уже было сказано ранее, приход русских кораблей к японским селениям с просьбой пополнить запасы продовольствия не был чем-то неожиданным для японцев. Тем не менее, с Головниным всё сложилось иначе, чем с купеческими кораблями, пришвартовывавшимися в японских портах Сахалина ещё до «экспедиции» Хвостова. Можно сказать детективная, история о спасении Головнина и его команды из японского плена достойна отдельного исследования. После длительного плена Головнина в Японии был создан первый учебник по русской грамматике, а сам Головнин вскоре выпустил свои «Записки о приключениях в плену у японцев» [36, с. 27]. Эти записки стали крайне известны в Европе, были переведены на многие языки и были одним из самых содержательных пособий о японских обычаях и культуре. Во время переговоров об освобождении из плена русского мореплавателя вице-адмирал С.И. Миницкий предлагал (посредством письма) установить

границы и достичь дружеских отношений. Японская сторона, на тот момент, ответила лишь освобождением Головнина. Через некоторое время японцы выступили с предложением сделать из территории Урупа буферную зону (Япония заняла бы территорию до Итурупа, Россия – до Симушира). Такие надежды бакуфу питала ещё со времён приезда Адама Лаксмана со своей Экспедицией [44, с. 96]. То есть для японцев демаркация означала именно определение буферной зоны и пресечение контактов между странами, а не мирная торговля, которая интересовала российскую сторону. Это предложение не нашло отклика. Можно сказать, что причиной был конфликт интересов [36, с. 27]. Дальше перечисленных предложений переговоры не продвинулись, поскольку заинтересованность в торговле с Японией выражала, по большей части, именно РАК, которая к тому моменту пришла в упадок.

Ещё в 30-е годы XIX века японское общество стало активно включаться в обсуждение внешней политики. Так называемые «западники» подвергались гонениям со стороны Сёгуната [41, с. 172]. Идея о неизбежности открытия Японии особенно прогрессировала после Опиумной войны в Китае. Японские мыслители начали чаще говорить о необходимости перенять «варварские» (иностранные) методы ведения военных действий и технологии для обороны от европейцев. Среди таких учёных можно выделить Сакуму Сёдзана и Такасиму Сюхан [41, с. 173]. Это были продолжатели Хаяси Сихея, труды которого также набирали популярность. И действительно, после Опиумной Войны бакуфу начало обращаться к его трудам (по словам учёного Сайто Тикудо [41, с. 173]), а также обратилось к Такасиме Сюхану за помощью в военной подготовке по голландскому образцу. Когда американская экспедиция вынудила Сёгунат подписать торговый договор, японцы продолжили действовать в «своём духе»: в первое время после подписания они не проявляли никакого интереса и всячески игнорировали попытки контактов с ними. Это было время сосуществования китайской геополитической системы и западной международной системой.

Уже через несколько десятилетий такая «двойная система» почти полностью сменится на западную, но остатки замкнутой системы изоляции будут ещё долго существовать в японском обществе.

Таким образом, первооткрывателем дальневосточного политического дискурса можно считать Петра I, однако следующие правители были менее позитивно настроены относительно этого направления. В последующее время роль играли непосредственно отдельные личности, взаимодействующие (предпринимающие попытки взаимодействовать) с японской стороной (Лаксман, Резанов, администрация РАКа и другие). Политика Японии в отношении России менялась с течением времени от настороженного отношения, до страха и презрения. Изменения были спровоцированы действиями России – приезд Лаксмана, противоречащий японским законам, грабежи на Сахалине. Эта политика формировалась при поддержке японских исследователей и писателей – Хаяси Сихея, Кудо Хэйсукэ и других.

Глава 2 Русско-японские отношения в первой половине XIX в.

2.1 Характеристика личности посла Н.П. Резанова

Обращение к характеристике личности Н.П. Резанова, как посла первого официального посольства Российской империи в Японию, имеет важное значение, поскольку его действия, как будет показано нами далее, сыграли немалую роль в исходе Посольства, а также оказали влияние на последующие взаимоотношения между странами.

Источниковую базу реконструкции исторического портрета Николая Петровича Резанова составили, прежде всего, дневниковые записи участника Экспедиции Е.Е. Левенштерна, а также исследования дореволюционных авторов, таких как П. Тихменев, С. Окунь и других, приведенные в монографических работах современного учёного Л.М. Свердлова. Дневниковые записи участника Экспедиции Е.Е. Левенштерна и монографии современного учёного Л.М. Свердлова написаны с разрывом более чем в 150 лет, но опубликованы оба были уже в новейшее время.

Дневниковые записи Е.Е. Левенштерна это «сборник» разрозненных записей на немецком языке, переведённый и опубликованный потомком начальника Экспедиции А.В. Крузенштерном. В отличие от начальника экспедиции, И.Ф. Крузенштерна, Левенштерн в своих записях много говорит об отношениях внутри команды. Несмотря на то, что дневник был написан в ещё во время самого путешествия, его публикация стала возможна, только в новейшее время, что обуславливается интенсификацией изучения как русско-японских отношений, так и роли отдельных личностей в этом процессе.

Николай Петрович Резанов происходил из дворянской семьи, в детстве получил домашнее образование. Дослужившись на военной службе до сержанта, ушел в отставку и начал свою работу секретарём графа И.Г. Чернышева. После того, как Г.Р. Державин, покровительствовавший семье

Резановых, получил должность секретаря Екатерины II, Резанов вступил на службу при дворе.

Во время этой службы Николай Петрович женится на дочери Г.И. Шелихова, купца, организовавшего в конце XVIII века Российско-Американскую Компанию. Этот брак в исследовательской литературе оценивается неоднозначно. В литературе превалирует скорее негативная оценка этого брака, большая часть учёных рассматривает его как брак с хорошим расчётом, расчётом со стороны Николая Петровича. Лидии Сергеевны Блэк, специалист по истории русско-американских связей, в Нью-Йоркской публичной библиотеке, ссылаясь на сохранившееся письмо Резанова, где он отмечает, что «обставил все дела так, что обзавелся молодой женой и акциями компании» [6]. То есть, ему удалось стать владельцем достаточно крупного имущества – акций Компании Г.И. Шелихова, которая затем была преобразована в Российско-Американскую Компанию. Позже он занял должность директора в управлении этой компании. [13, с. 24; 17, т. 1, с. 21]. После смерти Шелихова он встанет во главе практически всех дел [22, с. 71]. С другой стороны, эти суждения можно легко подвергнуть сомнению, если рассмотреть следующие факты: Шелиховы были всего лишь купцами, а Резановы – дворянами. Скорее всего, Николаю Петровичу пришлось приложить усилия, чтобы получить разрешение на этот брак. Также важно, что Шелиховы получили доступ ко двору, что помогло развитию Компании, принесло им доход. Именно Резанов добился «высочайшего покровительства» для Компании [34]. Без связей Резанова при дворе Компания вряд-ли получила бы такое развитие. С нашей точки зрения, сделать вывод о том, кому этот брак был более выгоден, и случился ли он ради выгоды вообще, не представляется возможным. Делать выводы о личности Резанова по его браку – также невозможно.

В характеристике личности Николая Петровича немаловажное значение имеют отношения с командой во время путешествия [14, с. 174]. Взаимоотношения в команде и личность Резанова становились предметами

дискуссий даже в дореволюционный период. Так, после публикации статей Военского в газете «Русская Старина» в 1895 году, в редакцию газеты Новое время пришел ответ. Первый ответ прислал сын И.Ф. Лисянского, непосредственного участника Экспедиции [23]. Лисянский младший говорит о немислимости приписанных отцу слов и деяний (как мы говорили ранее, Военский в основном ссылался на слова самого Резанова). В своём ответе Лисянскому Военский, в качестве доказательства правдивости выводов своей статьи, указывает на свой стаж, а также дополнительно подчёркивает ссылку на источник – официальное отношение Н.П. Резанова [24]. Константин Адамович завершает свой ответ, подчёркивая своё стремление к «исторической правде». Публицист и морской офицер А.Е. Конкевич, писавший под псевдонимом А. Беломор, также публикует ответ Военскому [25]. В своей небольшой статье он говорит о непричастности Военского к военному флоту, что как бы должно говорить о его некомпетентности. В целом, все ответы Военскому можно свести к одной фразе – «да как вы посмели!». Никакой разумной аргументации ни одна из сторон предоставлять в этой письменной «перепалке» не стала.

Официальные отчёты о первом кругосветном плавании, дневниковые записи (например, в отчёты Ратманова, Левенштерна и Лисянского) позволяют реконструировать описание отношений внутри команды и характеристику Посланника. Характеристика Резанова, предоставленная участниками экспедиции, значительно отличается от того, что мы находим в дневниках и письмах самого Николая Петровича. Воспоминания участников экспедиции о Н. П. Резанове имеют весьма негативный оттенок [13, с. 25]. Известно, что он задумывал оставить в Копенгагене Федора Фоссе, надворного советника, из-за личных разногласий. Также упоминаются случаи чрезмерного употребления алкоголя со стороны Николая Петровича. Левенштерн отмечал, что Резанов посещал «все танцевальные площадки и публичные дома» в течение путешествия. Общая характеристика Резанова – «насквозь фальшивый» [20, с. 27; с. 55; с. 69; с. 122; с. 260]. Стоит отметить,

что лейтенант Левенштерн писал дневник для себя и не планировал его издавать, что может указывать на искренность его записей [13, с. 25]. Основное противостояние у Посла возникло с И. Ф. Крузенштерном, который, по мнению большинства участников экспедиции, был её руководителем. В самый острой фазе конфликта, Крузенштерн и Резанов общались исключительно через письма, при этом Крузенштерн проявлял особую сдержанность в общении с Резановым [32, л. 124]. В письме морскому министру Павлу Васильевичу Чичагову участник экспедиции, адмирал Макар Ратманов докладывает о поведении Посланника: «Не стыдится уже он заранее делать угрозы, что выучит и покажет свою власть в Японии и в Камчатке!». Резанов питал явную неприязнь к участникам экспедиции. Исходя из его писем и донесений, офицеры бунтовали [32, л. 121]. На Камчатке он обращается к коменданту, майору Кошелеву, с просьбой о помощи в урегулировании ситуации с «буйными» и теми, кто осмелился нарушить священные указания Высочайшей власти [32, л. 125]. Николай Петрович также требовал, чтобы Крузенштерна судили, и не в Петербурге, а на Камчатке. Тем не менее, когда комендант признал обоснованной просьбу Крузенштерна о проведении суда в Петербурге, Посол согласился на урегулирование дела в мирном порядке. По мнению Л. М. Свердлова, Резанов активно провоцировал офицеров во время экспедиции с целью получения компромата и избавления от Крузенштерна, Ратманова и других участников, за исключением тех, кто мог бы поддерживать его в любых обстоятельствах. Однако существует противоположная точка зрения, высказанная К. А. Военским. Он считает, что недовольство команды Резановым связано с «вопросом подчинения», где Крузенштерн, неудовлетворенный своим положением, начал «доводить» Резанова. В качестве аргумента Военский указывает на то, что Резанов сразу предоставил информацию о своем статусе. Как было показано нами выше, информация о роли Николая Петровича сразу была предоставлена лишь Крузенштерну, да и тот не обратил внимания на нее (не прочитал) [13, с. 25].

Характеризуя профессиональную деятельность Резанова в РАКе, при Дворе и в экспедиции стоит отметить, что будущий посланник хорошо справлялся со своей работой – именно ему удалось убедить Государя благоволить Компании, и даже выдать ей некоторые преимущества. Помимо этого, политика Компании сильно изменилась и начала приносить пользу для развития края: развитие кораблестроения, помощь путешественникам и купцам и т.д. [17, т. 1, с. XV].

В 1802 году была утверждена первая русская кругосветная Экспедиция. Решено было также организовать посольство в Японию для установления торговых связей, дипломатом этого Посольства назначают Резанова [22, с. 73]. Титул Камергера и орден Святой Анны 1 ст. были присуждены посланнику непосредственно перед отъездом, для придания статуса [Фёдорова, 2016, с.110; 22, с. 73]. Путешествие было грандиозным и осуществлялось двумя кораблями – «Нева» и «Надежда» (в Японию должна была отправиться только Надежда), а также хорошо подготовленной командой: И. Ф. Крузенштерн, Е. Е. Левенштерн, М. И. Ратманов и другими известными мореплавателями. Интересно, что сам Резанов, назначенный дипломатом и, как он считал, начальником Экспедиции, ни разу не был за границей. [17, т. 1, с. 21]. Почему же именно он получил такую должность? Ведь присуждение наград, которые не отображали реальные заслуги, но были присуждены для поднятия статуса, и отсутствие соответствующего опыта, ставили под угрозу успех посольства.

Как было отмечено ранее, карьера будущего Посланника была связана со службой при Дворе. Изначально Резанов назначается на должность правителя канцелярии непосредственно у Державина [34, с. 48]. После он будет также служить секретарём у П.А. Зубова. Будущая семья Резанова, купцы Шелиховы, также пользовались его поддержкой [34, с. 49]. Конечно, это всё способствовало развитию РАК. Вскоре Николай Петрович начнёт работать в Сенате с М.М. Сперанским. Позже он сблизится с П.А. Паленом. Во время царствования Павла I Н.П. Резанов получил свои первые награды:

орден Св. Анны 2 ст. и звание командора ордена Св. Иоанна Иерусалимского [39, с. 105]. Как мы уже говорили, Правитель много сделал для компании Шелихова, будущей РАК. Так было не всегда: благоволил Компании Император начал, когда П.В. Лопухин потерял своё влияние и был отстранён от должности генерал-прокурора [34, с. 53]. Тогда его место заняли близкие к Резанову люди (такие как А.А. Беклешов) и вскоре был подписан указ о создании Российско-Американской компании [43, 124]. В первой главе мы уже говорили о преимуществах, которые получила РАК во время правления Павла. В противоположность Павлу, Александр I скорее поддерживал свою бабушку в отношении к Компании. Екатерина II считала Компанию ни чем иным, как монополией [39, с. 112; 33, с. 49]. Учитывая, чьим покровительством все эти года пользовался Николай Петрович, его отношение к Александру I тоже вполне могло быть отрицательным. Ведь после прихода к власти Александра I П. А. Зубов и П. А. Пален – покровители Резанова (и, по совместительству, убийцы Павла I), были удалены от двора [13, с. 24]. Подтверждается это словами лейтенанта Е. Е. Левенштерна, он передаёт следующие слова Посланника: «мои смелые речи, которые я вёл при разных обстоятельствах против Императора, создали мне много врагов» [20, с. 23]. Можно предположить, что будущий Посол мог знать об участии Императора Александра I в заговоре и представлять некоторую опасность [13, с. 24]. Так, можно заключить, что Александр I хотел «выслать» Резанова. Однако рассматривая сеть взаимосвязей между представителями двора (реконструкция выполнена нами на основе анализа работы Л.М. Свердлова и показана на Рисунке Б.1) стоит отметить, что главный покровитель Резанова – Державин после убийства Александром I выслан не был. Напротив, он двигался по карьерной лестнице. Тем не менее, когда возник конфликт между молодой частью двора и старой, Лопухин был возвращён на должность, а Державина удалили. После этого отправили в Японию и Резанова. Предположение о том, что часть двора, к которой имел отношение

и Резанов, попала в немилость, также имеет место [34, с. 55]. С нашей же точки зрения всё могло быть гораздо проще, чем кажется некоторым современным авторам. Известно, что инициатива организовать Посольство принадлежит министру коммерции графу Румянцеву. Отсюда понятно, что и цель Посольства была коммерческая. Именно Резанов был человеком, заинтересованным в установлении таких торговых связей, которые помогли бы развитию РАК, в пользу которого он хлопотал предшествующие 5 лет. Таким образом, мы не отмечаем возможность, что он действительно подходил на должность и был выбран на неё отнюдь не вследствие интриг.

К началу поездки Резанов был назначен не только дипломатом посольства в Японию, но и начальником Экспедиции. Начальником он значится в дополнении XVI пункта Инструкции, подписанной Александром I [10]. Л. М. Свердлов отмечает, что в подписанной Александром I Инструкции Крузенштерн упоминается в разы чаще, чем Резанов. Любопытно, что архивисты, которые, вероятно, непредвзято трактовали текст Инструкции, дали ей название: «Инструкция ... начальнику (выделено нами – К.М.) первой русской кругосветной экспедиции капитан-лейтенанту И. Ф. Крузенштерну» [13, с. 25]. Действительно, в преамбуле инструкции начальником значится именно Крузенштерн. Более того, Инструкция от 10 июня, где впервые упоминается Резанов, он назначен именно посланником, не более. Примерно в то же время министр Румянцев пишет Крузенштерну о поездке, как об Экспедиции «под управлением вашим (выделено нами – К.М.) (Крузенштерна)». Схожее письмо отправляет Резанову Новосильцев, но там «управителем» назван будущий посланник [34, с. 36].

Этот дуализм инструкций и официальных писем министров породит грандиозный конфликт и раскол в команде во время путешествия. Конфликт, произошедший между Резановым и Крузенштерном во время Экспедиции – пример неоднозначного события, которое вызвало неоднозначные реакции со стороны учёных. Дело в том, что на протяжении всех периодов изучения обстоятельств конфликта имели место подмена понятий и активное

игнорирование источников, выражающих иное мнение, или даже доказывающих факты, опровергающие мнение автора. Так, Военский предпочитал ссылаться на письма и записи самого Резанова или статьи Сгибнева, когда как сам Сгибнев тоже ссылается исключительно на Посланника. Учёный вообще считал Резанова организатором и инициатором всей Экспедиции несмотря на то, что даже РАК признавал Крузенштерна автором проекта [34, с. 27]. Новаковский, по всей видимости, решил не участвовать в конфликте – он занимает интересную промежуточную позицию, говоря, что Экспедиция была организована «по инициативе Резанова и Крузенштерна» [22, с. 72]. Тем не менее, начальство экспедицией он полностью отводит Крузенштерну, Резанову же отводит только роль Посла [20, с. 73]. Непосредственно сами участники кругосветного путешествия полагали, что Крузенштерн является лидером Экспедиции, это было так и фактически. После 10 месяцев плавания Резанов начал утверждать своё начальствование над всей Экспедицией. Изначально он даже отказывался предоставлять документальные доказательства. Впоследствии он все же предъявил указ Императора, подтверждающий его назначение [6]. Почему Николай Петрович не объявил о своем статусе сразу? Возможно, он предвидел, что команда откажется следовать под его руководством [13, с. 26]. Крузенштерн справедливо замечал, что сообщать об этом спустя столько времени, когда никто из членов команды уже не может отказаться, не является правильным подходом. Также он отмечал, что «было бы смешно, если бы подобную экспедицию доверили такому камергеру, который первый раз в жизни отправился в морское путешествие» [20, с. 38; с. 43].

В то же время, справедливо и следующее замечание: Крузенштерну были переданы Инструкция и Указ, и он должен был знать о роли Резанова в миссии. Позже Иван Крузенштерн сам признался, что получил Указ ещё в Кронштадте, но не читал его [32, л. 124]. Вероятно, так оно и было: Крузенштерн не вчитывался, а Посланник – деликатно промолчал [13, с. 25]. Ранее мы уже обозначили, почему Иван Фёдорович имел все основания ни на

толику не сомневаться в своей должности начальника, но дополним: именно Крузенштерну было дано задание выбрать начальника второго корабля [17, с. 11]. Письма, которые Крузенштерн писал министру Румянцеву, своему соратнику Лисянскому и адмиралу Мордвину, тоже говорят о том, что Крузенштерн считал себя полноправным начальником Экспедиции [34, с. 29]. У авторов данной работы нету сомнений в отсутствии какого-либо подлога со стороны Крузенштерна. Он действительно обоснованно считал себя Начальником. Помимо уже перечисленных обстоятельств, которые весьма однозначно обозначили Крузенштерна за главного, отметим ещё следующий факт: Резанов был не более, чем гражданским лицом. Руководство экспедицией, которая осуществляется под военными флагами, гражданское лицо принять не может. Как известно, корабли шли под Андреевскими флагами, которые пожаловал сам Государь [34, с. 37].

Посол в Японию Н.П. Резанов был неоднозначной личностью, многие дореволюционные исследователи говорили о подрыве нервного здоровья посланника, а современные авторы – о его неразумных действиях в ходе посольства и после него. Таким образом, отношение к Послу менялось от преимущественно положительного в дореволюционное время, абсолютно положительного в советское, и преимущественно отрицательного – в современное. Что касается непосредственно конфликта, современные учёные сделали новый вывод - имело место расхождение в инструкциях и письмах приближённых двора. У Экспедиции оказалось два начальника. По нашему мнению, убеждённость Крузенштерна в том, что он является Начальником Экспедиции – бесспорна. Такой взгляд на конфликт Резанова и Крузенштерна будто бы достаточно очевиден, поскольку расхождение инструкций выявить не так трудно. Тем не менее, учёным понадобилось более двухсот лет, чтобы прийти к такому выводу.

2.2 Ход и итоги Посольства

26 сентября 1804 посольство прибыло в Японию, в порт Нагасаки. Причем само путешествие из Камчатки до Нагасаки заняло 30 дней и было подробнейшим образом описано в монографии Крузенштерна. В XVII веке Япония вступила в активную фазу так называемой изоляционной политики – Сакоку. Как было сказано ранее, Япония поддерживала отношения с некоторыми близлежащими странами (Китай, Корея), а также с Голландией. Тем не менее, даже эти связи с течением времени ограничивались всё сильнее. Например, голландцы проживали на отдельном искусственном острове, который назывался Дэдзима, где они функционировали под строгим надзором японцев. Только к этому острову корабли имели право подходить. Однако первое Посольство в Японию под руководством Адама Лаксмана нарушило это правило [28, с. 120]. Однако японское правительство простило их, поскольку российская сторона не была осведомлена о данном правиле, а также вернула в Японию её граждан, попавших в бедственное положение у русских берегов. Первое «Посольство», которое, по сути, было просто Путешествием, дало следующий результат: Лаксман получил разрешение (Грамоту) на въезд в Нагасаки одного корабля. Используя эту Грамоту, русская сторона могла бы прийти в порт Нагасаки для переговоров по теме установления торговых связей с Японией [13, с. 26].

Придя в порт Нагасаки, путешественники сразу же столкнулись с ограничениями, наложенными японцами на иностранные суда. Первое – им абсолютно не разрешено было сходить на берег, они должны были оставаться в пришвартованном корабле. Впоследствии на берег сойти разрешат, но лишь по причине болезни Посланника. Случится это лишь 15 декабря, а местом «заключения» для путешественников станет кусочек рыбного рынка на острове Дэдзима, называемый Мегасаки и обнесённый забором [22, с. 86]. Позже условия были улучшены. Стоит сказать, что для изолированной Японии приезд иностранного судна, которое формально

имеет на это право – внештатная ситуация. Давать безосновательный отказ японцы не привыкли, всю историю международных отношений любое их действие имело под собой основания (все отказы также были связаны с законами о не взаимодействии с иностранцами). Данный случай застал японцев врасплох, в связи с чем ожидание растянулось, а в Нагасаки были введены военные суда [22, с. 88]. Известный исследователь и участник экспедиции Г.И. Лангсдорф, описывая оказанный посольству приём, говорил о «жестокости и несправедливости» [Цит. по: 22, с. 90]. Приём вызвал также непонимание со стороны голландцев, проживавших на острове [36, с. 22]. Самая первая встреча с японцами уже была неудачной. Посланник не смог согласиться на некоторые почести, которые от него требовали, а также не смог согласиться с правилами о разоружении, выдвинутыми японцами [Крузенштерн, с. 341; Венюков, с. 314]. Об отказе разоружаться Резанов сам упоминает в своём Донесении Императору. Он упоминает и о том, как голландцы пытались убедить его и команду согласиться с выдвинутыми правилами [26, л. 7]. Об отказе оказывать почести по японским правилам он говорит так: «не могу, ибо столь велико звание моё» [26, л. 8]. По мнению Е. Е. Левенштерна, это поведение «могло оказать влияние на будущий приём». «Я все время боюсь, что Резанов уже испортил отношения с японцами» – отмечает Левенштерн [20, с. 224]. Интересно мнение Венюкова как дореволюционного учёного касательно поведения Посланника. Он говорит о его «невыдержанности», «нетерпеливости» и «спеси», но, в то же время, и малой настойчивости [4, с. 313].

Рассмотрим интересную историю, касающуюся привезённых товаров. Е.Е. Левенштерн рассказывает: «У Резанова для всех подарков одна оценка на языке: “Это сделано в России,». На ящике, из которого вынули золотого слона, стояло: “Лондон,». Переводчики, стоявшие рядом, увидели это и спросили, для чего надпись. Резанов сказал: “На вещах, изготовленных в Петербурге, пишут “Лондон,» и наоборот, так [поступают] во всей Европе,» [20, с. 225]. Можно предположить, что японские переводчики и другие лица,

вступающие в контакт с Посольством, замечали явное неуважение по отношению к себе. Также можно предположить, что японцы в подробностях передавали «выше» всё, что происходило на корабле, а потом и в фактории. По словам самого Резанова можно понять, что уже к тому моменту он был крайне раздражён всем происходящим: «торг их нам не нужен и это была милость Монарха моего к Японии, которая из единого человеколюбия к облегчению их недостатков последовала» - написал он в своём отчёте [26, л. 17].

По мнению некоторых учёных, важную роль в принятом японцами решении играли и голландцы, заранее настроившие японцев против русских. По словам русского мореплавателя В.М. Головнина, прожившего в японского плену 2 года, голландцы осуществляли деструктивную политику, распространяя клевету о других странах. Делали они это из стремления сохранить свою монополию на культурные обмены и торговлю с Японией. В своих «записках» Головнин приводит письмо голландцев, в котором последние хвастаются, что смогли «внушить японцам непримиримую ненависть к русским». Д. М. Позднеев, М.И. Венюков и П. Гидени отмечали, что подобные подстрекательства способствовали росту недоверия со стороны японцев [45, с. 1, с. 52; 4, с. 315]. Подчеркнём, что все авторы, и отечественные, и зарубежные, говоря об «интригах» ссылаются исключительно на произведение Головнина.

Важно отметить, что и японцы не проявляли спешки в установлении торговых отношений с Россией. Напротив, японское правительство затягивало переговоры для того, чтобы дать ёмкое обоснование для отказа. По итогу, японцы дали решительный отказ, сославшись на древние законы о не взаимодействии с иностранцами. Возможно, в том числе, японцы ссылались и на положения Законов, Фукуямы 1805 года, которые были полностью направлены на ликвидацию излишеств в жизни людей, торговцы не должны были покупать для продажи предметов роскоши [13, с. 27; 28, с. 153].

Многие исследователи из России и за её пределами утверждают, что результат миссии был заранее определен [Военский; Свердлов; Gidney]. Даже Л. М. Свердлов, который высказывал крайне негативное мнение о Резанове, полагал, что миссия была заранее обречена на неудачу. Японский автор Мацумага Цёокен также утверждал, что предоставленное Разрешение (Грамота) представляло собой своего рода уловку, попытку избежать посещения русскими. При этом он признавал, что торговые отношения были бы «крайне желательны» для Японии [29, с. 70-71]. Есть и позиция, которую высказывал Венюков. Он говорит о комплексе причин. Такая позиция кажется нам наиболее вероятной.

Выше мы уже говорили о раздражении Посланника после общения с японцами. После детального изучения событий раздражение его кажется достаточно обоснованным. Что же касается событий, произошедших уже после Посольства, их обосновать достаточно сложно.

В силу потенциальной значительной выгоды для Российско-Американской Компании от торговли с Японией, Посланника, вероятно, не покидала идея достижения торговых соглашений любыми доступными средствами. Он отдал приказ организовать «секретную» экспедицию, возглавляемую своим зятем, лейтенантом Н. А. Хвостовым, который на тот момент работал в РАК [13, с. 28]. В «секретной» инструкции Хвостову он отдаёт следующий приказ: «Войти в губу Анива и буде найдете японские суда, истребить их»; «В рассуждении сахалинцев и японцев всюду где ни встретите вы их, стараться первых привлекать ласками, а вторым делать вред истреблением судов их» [11, с. 318]. Помимо непосредственной инструкции, которая сохранилась в одном из архивов, Дипломат также признаётся через иные источники в том, что именно он отдал приказ. В письме Иеромонаху Гедеоу он говорит о секретной миссии, им самим подготовленной, и просит не рассказывать об экспедиции, держать её в секрете, «без малейшей кому - либо огласки». Отказ японцев в торговле в инструкции, данной Хвостову, Николай Петрович называет «вероломным». Очевидно, что он рассматривал

свои намерения как благие и уверен был, что его вынудили отдать такой приказ. Посланник также верил, что он выполняет волю японского народа, который «желал торговать», и предполагал, что решение японского правительства изменится, и что грабежи приведут японцев к «снисканию торговых связей с нами» [11, с. 320].

В осенний период 1806 года Н. А. Хвостов и лейтенант Г. И. Давыдов вместе с матросами высадились на Губе Анива. Местные японцы приняли их относительно благосклонно, предоставив кров и пищу. После приема пищи Хвостов отдал приказ взять японцев в плен, а само поселение обыскать и разграбить. Процесс разграбления и загрузки японского имущества на русский фрегат продолжался несколько дней. По завершении этих событий японская деревня была подожжена. Можно сказать, что лейтенанты вошли во вкус и совершили ещё несколько нападений на острова Итуруп и Рисири в следующем 1807 году [36, с. 24]. Впоследствии Хвостова и Давыдова приказали представить на суд в Петербурге, признав их виновными (до суда они не доживут), при этом Резанов так и не оказался подсудимым как организатор данного инцидента [13, с. 28].

В настоящий момент роль Резанова как организатора грабежей, исполненных лейтенантами Хвостовым и Давыдовым, признаётся не только отечественными, но и зарубежными исследователями [44, с. 96; 45, с. 147; 36, с. 23].

Инцидент Головнина (ранее Головнин уже упоминался) произошел несколько позже, как следствие недоверия японцев к русским после произошедших грабежей [44, с. 96]. Василий Головнин, приставший к берегам Японии с просьбой о помощи в снабжении, был захвачен в плен. Проведя несколько лет в плену, он стал первым известным человеком, вернувшимся из японского заключения. После своего освобождения Головнин написал книгу под названием «Записки флота капитана Головнина о его приключениях в плену у японцев». В конце XIX века эти записки были изданы и в Японии. В предисловии японского издания прямо указано, что

Головнин оказался в плену исключительно из-за деяний Хвостова. [13, с. 28; 30, с. 515].

У грабежей Хвостова были и другие последствия. Японцы понимали, как выгодно будет для них вести торговлю с Россией и обсуждали эту возможность в правительстве. Однако грабежи возымели эффект противоположный тому, на который рассчитывал Резанов. После случившегося гордость не позволяла японцам начать торговлю до того, как русская сторона принесёт извинения. Более того, Бакуфу всерьёз рассматривало предложение некоторых министров о нападении на русские пограничные территории. Также обсуждался вопрос о возможности нападения на Санкт-Петербург [13, с. 28; 30, с. 12-13]. Действительно, оборона островов была укреплена – на Эдзо разместили более 3000 солдат. Чтобы подчеркнуть важность произошедшего, отметим, что это стало первым крупным нападением на японские земли со времён монгольского нашествия XII века. Теперь из теоретического врага Россия стала врагом уже на практике. Это происшествие породило разногласие, не давшее возможности к подписанию каких-либо мирных договоров на тот момент. Не смотря на дискуссии в кругах аристократии, описанные в предыдущей главе, правительство Японии осталось при мнении о невозможности торговли и необходимости отстранения от внешнего мира. Так, смысл демаркации границ стал абсолютно разным для российской и японской сторон. Японцы хотели отметить буферную зону, а русские – наладить отношения и торговлю [36, с. 29].

Посольство Резанова было неудачным в результате совокупности причин – основной причиной мы выделяем политику Японии, далее следуют такие факторы, как деятельность жителей Голландской фактории и поведение Посла в ходе Миссии. Посольство и последующие события не только породили недоверие, но и исключили подписание мирных договоров Японии и России на длительный срок. После нападений на Сахалин японская сторона не только начала укрепление своих северных границ, но обсуждала и

возможность ведения наступательной войны против России. Помимо испорченных отношений, мы также видим влияние этой ситуации на конкретных личностей в последующие года. Так, мы рассмотрели ситуацию, произошедшую с известным мореплавателем Василием Головнином, которому пришлось оставить в Японии своё здоровье и два года своей жизни.

2.3 Установление дипломатических отношений между странами - Посольство Е.В. Путятина

В международных отношениях XIX века, также, как и сейчас, процветало соперничество за сферы влияния. В середине XIX века конгресс США заявил о необходимости морской манифестации против Японии [27, л. 43], тогда же начали появляться сообщения о намерениях американского правительства организовать экспедиции к берегам Японии [19, с. 109].

В марте 1846 года несколько американских военных кораблей передали письмо Сёгуну, в котором требовали открытия страны. Эта попытка потерпела неудачу, но навела ужас на японское правительство и японский народ. В следующий раз у берегов Японии появились корабли 23 июня 1853 года – это была «экспедиция» во главе с командором М. Перри. Перри настоял на передаче письма американского Президента Императору Японии, в ответ японцы попросили дать время на раздумья. Американцы дали японскому правительству примерно полгода, по истечению этого срока в Иокогаму (ныне часть Токио) прибыли девять американских судов. 31 марта 1854 года был подписан первый трактат. К.А. Военский комментирует это событие так: «заклятие было снято, Япония вступила на новый путь» [27, л. 43].

Причины открытия Японии вполне однозначны, отечественные и зарубежные учёные разных периодов солидаризируются в этом вопросе. Историки говорят о страхе японцев перед эскадрой, пригнанной американцами к японским берегам, и о настойчивости Перри, граничащей с

грубостью и угрозами на случай несогласия японской стороны с требованием открыть страну для торговли с западными державами. Ещё в 1844 году голландский уполномоченный передал сёгуну письмо, в котором говорилось об опасности, которую может снискать Япония в случае множественных отказов открытия страны [15, с. 385]. В письме было прямо сказано, что «если Англия встречает отказ – сразу начинает войну». Японцы относились к предложениям об открытии страны с большой опаской, и даже страхом. В 1847 году голландцы опять выслали письмо Сёгуну, но уже не один, а два раза. Было понятно, что обстановка накаляется. В письмах они просили открыть Японию для иностранцев. Сёгун отреагировал на это так: он начал активные тренировки самураев и убеждал даймё строить укрепления [15, с. 387]. Конечно, такие «предупреждения» и фактический опыт Китая морально настраивали японцев на возможность военных действий со стороны «запада». Когда у берегов Японии начали появляться американские эскадры командора Перри, эти опасения окончательно подтвердились. Первый русский японовец и консул в Японии Костылёв говорит в своей монографии о впечатлении, оставленной этой эскадрой. Когда капитан Перри со своими кораблями прибыл к берегам Японии, японцы были в ужасе. Стариков и детей выслали из Эдо, все готовились к нападению американцев на столицу Японии. Американские военные корабли оставляли неизгладимое впечатление. Учёный высказывает своё мнение о том, что, если бы американские корабли постояли у берегов подольше ещё в 1846-м, Японию «открыли» бы к 1848-му году [15, с. 387].

Американцы же в своём письме потребовали подписания временного торгового трактата примерно на 3-5 лет. В противном случае они обещали выслать ещё более значительную эскадру к берегам Японии. Большая часть даймё были против подписания трактата (Токугава Ёсихиро, Мацудайра Ёсинага и другие). Они опасались, что после подписания такого трактата с американской стороны, другие державы затребуют того же. Помимо этого, опасение было касательно величины японского государства. Речь шла о том,

что маленьким государством легко воспользоваться в своих целях, когда как сама Япония от торговли никакой выгоды иметь не будет [15, с. 390]. Даймё выразили желание готовиться к войне с Америкой. Тем не менее, Сёгун представлял ситуацию по-другому, по его расчётам никаких шансов на успех такая непокорность не имела.

Русские миссии к берегам Японии не вызывали подобных эмоций у японского правительства. Учёный Новаковский описывает, как русские корабли тщетно приходили к Курильским о-вам на протяжении 1814-1817, а потом 1836-1840-х годов в попытках договориться с японцами о торговых отношениях [22, с. 143]. Хотя нападения русских японцы тоже остерегались (напр. в 1802 году была введена должность губернатора Хакодате (函館奉行), чтобы суметь противостоять продвижению русских на юг) [12, с. 129], но одиночных русских кораблей японцы не боялись и не собирались вести переговоры с экипажем. Именно страх перед американской эскадрой взял верх и японцы подписали трактат.

В 1852 году был создан комитет по азиатским делам, который и направил экспедицию в Японию, во главе которой оказался генерал-адъютант Е.В. Путятин. Посольство прибыло в Японию в 1853-м году. В этот момент японское правительство как раз находилось на стадии принятия решения касательно требований американцев. Пока Путятин вёл переговоры с японским правительством в Нагасаки, Перри приплыл с ещё большей эскадрой в Эдо. В Эдо он, всё-таки, вынудил японцев дать разрешения на использование портов (Симода, Хакодатэ), торговлю в этих портах. Летом 1853-го года американский трактат был подписан. Перенесёмся из летнего Эдо в зимний Нагасаки 1853-го года: в переговорах Путятина и Кавадзи Тосиакиры (японский уполномоченный) на повестке были два вопроса: территориальный и вопрос торговли [36, с. 31]. Кавадзи обратил внимание на противоречие в отношении границ. В официальном сообщении России говорилось, что статус Сахалина подлежит обсуждению, но в письме Путятина было указано, что остров стал частью российской территории. В

ходе второго этапа переговоров Кавадзи предложил провести границу на Сахалине по 50-й параллели северной широты. Япония не соглашалась с предложениями России по дипломатическим отношениям, торговле и границам, но также не отвергала их, лишь медленно отвечая. По вопросам торговых связей Кавадзи предоставил Путятину меморандум, обещая, что если Япония разрешит въезд иностранных государств, то Россия будет первой в очереди. Как мы уже отметили ранее, летом этого года японское правительство подпишет соглашение с Америкой. Кавадзи и другие уполномоченные вернулись из Нагасаки в июле 1853-го года, когда трактат с американцами был уже подписан. Узнав о подписании соглашения, они заявили Сёгуну, что Путятин вернётся и «возьмёт их в плен» из-за нарушенного обещания. Из-за нежелания видеть стыд, в который, в таком случае, повергнет себя Япония, они просили казнить их [15, с. 393]. Из положительных итогов переговоров в Нагасаки можем выделить следующее: вопрос о границах был в некоторой мере решён в ходе первых переговоров с Путятиним (лишь для островов Уруп и Итуруп). В январе Путятин получил письмо от японского Верховного совета. В этом письме уже не давалось категорического отказа касательно торговли и подписания каких-либо соглашений. Напротив, японцы признавали необходимость в современных условиях менять древний закон, но просили отсрочку на несколько лет для обсуждения перспектив этих соглашений в кругу князей (даймё) и более детального осмотра северных границ Японии [18, с. 18]. Что касается Сахалина, было решено отправить представителей обеих сторон для совместного исследования территории и последующего определения границы. В феврале 1854 года Путятин покинул Нагасаки. Перед отплытием Путятин получил письменное подтверждение о том, что, в случае подписания договоров с любой державой, японцы обязуются подписать подобный договор и с российской стороной (само подтверждение подписали уполномоченные Кавадзи и Цуцуи) [18, с. 21]. Вот содержание этого «подтверждения».

«1. Когда впоследствии правительство японское откроет свои порты для торговли, тогда Россия будет допущена ранее к этой торговле, чем какая-либо другая нация.

2. Если бы впоследствии Япония открыла торговлю для других наций, то в уважение соседства все права и преимущества как торговые, так и всякого другого рода, которые будут предоставлены другим нациям сверх данных России, в то же время будут распространены и на российских подданных» [38, с. 158].

В октябре 1854 года Путятин прибыл в Хакодате, чтобы продолжить переговоры о заключении соглашения. Несмотря на обещание приоритетного партнерства с Россией в торговле, Бакуфу сначала заключило договоры о дружбе с Соединенными Штатами и Великобританией. В Хакодате, Осаке и Киото переговоры вести не разрешалось, поэтому путешественники отправились в Симода. Зимой того же года японо-русские переговоры возобновились в обозначенном месте. На первой встрече Путятин предложил срочно рассмотреть вопросы установления границ и открытия торговли [21, с. 36]. Переговоры ни к чему не привели и вскоре их пришлось прервать из-за природных катаклизмов.

В вопросе заключения соглашений между Японией и Россией, как ни странно, стоит отдать должное погодным условиям. Именно они сыграли на руку Путятину и его команде, хотя и чуть не лишили их жизни (а некоторых - лишили). Дело в том, что уже на следующий день после переговоров в Японии произошло очень сильное землетрясение, повлекшее за собой цунами. Чтобы понять, какова была сила этого природного явления и в какие жуткие события были вовлечены и русская команда, проводившая своё время на корабле, и японцы, находившиеся на берегу, обратимся к описанию событий, которое было сделано участником команды, священником Василием Маховым. Так он описывает самое начало волнений на море: «ложки в стаканах дребезжали, столы закачались, скамьи и стулья быстро клонились то на одну, то на другую сторону. Сами мы, смутясь духом, не

могли сидеть спокойно - всё тряслось, всё колебалось». Сравнивая наблюдаемую им картину с картиной «Последний день Помпеи», Махов описывает происходящее далее: «стон, крики, вопли гибнущих японцев, шум воды, рёв валов, завывающие всплески...» [21, с. 39]. В шторме, перевернувшем фрегат «Диана» чуть не погибла вся команда, а сам фрегат был полностью разрушен. Погибшим числился лишь один человек – матрос Соболев, которого задавило пушкой, когда фрегат перевернулся на бок. Вскоре его похоронили на берегу по христианским традициям [21, с. 44]. Несмотря на запреты на взаимодействие с иностранцами, японцы оказали помощь 500 русским морякам. Им предоставили убежище, еду и пристанище. 12-го декабря путешественникам удалось съехать с практически разрушенного корабля на берег, после высадки перед ними предстал полностью разрушенный город Симода: «трупы утопленников представляли картину страшного безобразия: там японец, обхватив дерево, заостенел при нём; в ином месте японка-мать, притиснутая камнем, замерла с детищем своим...» [21, с. 43]. Селения, находившиеся на морском берегу, были разрушены и смыты до основания. Первыми, кто оказал команде приём на берегу, были японские монахи. Они были заинтересованы православным погребением, после которого позвали Василия Махова к себе – пить чай. По словам Махова, вскоре они станут приятелями, а он сам изучит множество нюансов местной веры. Экстремальные обстоятельства значительно способствовали укреплению отношений между Японией и Россией. Япония предоставила материалы и рабочую силу для восстановления корабля русских моряков. Также было организовано строительство нового судна, осуществленное совместными усилиями в соответствии с русским проектом и технологиями. Ранее упомянутый путешественник не раз говорит о доброте японцев, их великодушии и сострадании.

Вернёмся к вопросу переговоров. В 1855 году был заключен японо-русский договор о дружбе (Симодский трактат). Согласно этому соглашению, установлена государственная граница между островами Уруп и

Итуруп, однако вопрос о статусе Сахалина остался нерешенным. Русским были открыты три порта: Нагасаки, Симода и Хакодате. Конфликт между Японией и Россией в районе Курильских островов был разрешен, но договор не упоминал о коренном населении островов (айнах). Симодский трактат был сформирован по образцу американо-японского договора (Канагавского), однако, в отличие от последнего, русские имели возможность оплачивать товары не только деньгами, но и своими товарами. По этой причине некоторые учёные считают, что японцы были более расположены к русским, чем к американцам [36, с. 33]. Основное различие между этими договорами заключалось в статье 8 Симодского трактата, которая предусматривала судебное преследование преступников согласно законам их страны. Положение о совершивших преступление лицах было взаимным и распространялось как на российских подданных на территории Японии, так и на японцев на территории Российской империи.

Таким образом, американский договор действительно был подписан после угроз военного вторжения, а русский договор был «как-бы» достигнут мирным путём. Многие учёные апеллируют к этому факту в попытках сравнить невинность внешней политики России с кощунственностью политики американской [36, с.73; 18, с. 18-20; 40, с. 37]. Тем не менее, факт мирного подписания договора не говорит ровным счётом ничего о внешней политике России, а попытка такой апелляции является подменой фактов. Мы не случайно назвали путь достижения подписания договора «как-бы мирным». Японцы были убеждены в неизбежности подписания договоров с другими державами в случае подписания договора с Америкой [19, с. 113]. Японцы нарушили свой старинный закон о запрете контактов с иностранцами, после этого они уже не могли не подписать других договоров, поскольку сослаться более было не на что. Также стоит иметь в виду, что Россия не могла послать военный флот в Японию, поскольку он был задействован в Крымской войне.

Заключение

Анализируя политику России в Восточной Азии, мы рассмотрели комплекс источников, а также проанализировали литературу о ряде экспедиций и событий, связанных с открытием и исследованием морских путей в направлении Японии и Курильских островов. Одной из первых значимых экспедиций была экспедиция Витуса Беринга, имеющая целью изучить возможность достижения Америки из Азии, а также описать Курильские острова и морской путь до Японии. М. Шпанберг считается открывателем морского пути в Японию и вдоль Курильских островов. Россия рассматривала Камчатку и Курильские острова как свою территорию. Военные захваты Японии не были на повестке дня из-за недостатка вооружения на Камчатке. Напротив, русские суда периодически заходили в японские порты в поисках провизии, росло количество японцев, спасенных у русских берегов. Ряд экспедиций и попыток установления торговых отношений с Японией были предприняты, но успешными они не стали. Сложности в установлении связей между Россией и Японией были связаны не только с внутренними проблемами России, но и с официальной политикой Японии касательно контактов с иностранцами. В итоге многие из «посланников» и «промышленников» периодически вели неофициальный торг с японцами. Темпы промышленного роста, как и число купцов существенно увеличились на территории Дальнего Востока. Одновременно с этим вырос и уровень преступности в этих областях – часть промышленников являлись сосланными в Сибирь преступниками. Одним из купцов был Г.И. Шелихов. Он пришел к идее создания компании, которая могла бы заниматься контролем деятельности промышленников региона. Позднее эта Компания получила название Российско-Американской Компани, участники которой играли серьезную роль в попытках установлений отношений с Японией. С началом XIX века интерес к Дальнему Востоку и Японии начал расти. Тем не менее, исследователи сходятся во мнении

относительно незаинтересованности государства в развитии Дальневосточного направления. Большинство считает, что государство не проявляло достаточного интереса, а инициатива в развитии этого направления принадлежала Русско-Американской Компании и некоторым отдельным личностям. Важно отметить, что именно Компания составила план Кругосветной Экспедиции с целью расширения торговли в Дальневосточном регионе.

Исследуя внешнюю политику Японии, мы выяснили, что японский взгляд на мир и международные отношения сформировался под влиянием китайской цивилизации. Японцы приняли китайскую модель миропорядка, основанную на иерархической системе, где развитые культуры находились в центре, а периферийные территории считались «варварскими» (на тот момент к варварам относились Айну и Хаято). В ответ на контакт с уже европейскими «варварами» японцы пришли к политике самоизоляции, которая продлилась более двухсот лет. Начиная с XVII века, интерес Японии к России был крайне незначительным. Однако, в конце XVIII века, когда японское правительство узнало о приходе российских судов к северо-востоку Хоккайдо, осознание близости России к Японии начало возрастать. Некоторые деятели, такие как Танума Окицугу, выступали за установление контактов с Россией, надеясь на преодоление японской изоляции. Однако, другие, включая Хаяси Сихея, видели в России потенциальную угрозу для Японии и призывали к укреплению морских границ и вооружению страны. Эти дискуссии усилились после прибытия русских кораблей экспедиции Лаксмана. Мацудаира Саданобу, глава бакуфу, высказал неоднозначную позицию, соблюдая принцип «вежливость и закон» при ограничении контактов с Россией. Тем не менее, Япония вышла на новый уровень в своих познаниях о России после этого неоднозначного приёма. Посольство Резанова в 1804-1805 годах вызвало разногласия в японском обществе, но действия Резанова подогрели идеи Хаяси о необходимости укрепления обороны от России. Набеги русских на Сахалин усилили эту позицию в

глазах общества и государства, приведя к усилению защиты северных берегов и взятию острова Эдзо (Хоккайдо) под контроль Сёгуната. Эти события вызвали обширную реакцию японского общества и государства. Уже в 1830-е годы японское общество активно обсуждало внешнюю политику. После Опиумной войны в Китае идея о неизбежности открытия Японии стала особенно актуальной. Японские мыслители начали призывать изучать «варварские» методы ведения военных действий и технологий для обороны от европейцев. Среди таких учёных выделялись Сакума Сёдзан и Такасима Сюхан, продолжатели идей Хаяси Сихея. Подписание торгового договора с американской экспедицией вынудило Японию начать взаимодействие с западным миром. Японское общество долгое время будто бы одновременно существовало как с китайской, так и с западной геополитической системой. Постепенно политика сместилась в направлении системы западного образца.

В 1802 году была утверждена Первая Русская Кругосветная Экспедиция, а также было решено организовать посольство в Японию для установления торговых связей. Дипломатом этого посольства был назначен Н.П. Резанов, хотя он никогда не был за границей. Вопрос о том, почему именно он получил такую должность, в новейших исследованиях связывают с его карьерой и связями при дворе. Возможно, его отправка в Японию была связана с перестройкой политических влияний после убийства Павла I. В итоге нашего исследования можно утверждать, что цель Посольства была коммерческой, а Н.П. Резанов был заинтересован в установлении торговых связей. Торговые связи с Японией могли бы помочь развитию Русско-Американской компании, в пользу которой он хлопотал предшествующие пять лет. Стоит обратить внимание и на версию об отсутствии влияния придворных интриг на выбор Резанова Посланником посольства. К началу поездки Н.П. Резанов, как и И.Ф. Крузенштерн, был назначен начальником Экспедиции. Дуализм инструкций и официальных писем министров привел к конфликту и расколу в команде во время путешествия. Конфликт между

Резановым и Крузенштерном вызвал неоднозначные реакции ученых, исследующих это событие. Крузенштерн обоснованно считал себя начальником экспедиции. Также факт, что Резанов был гражданским лицом, не позволял ему принять руководящую роль в военной экспедиции. Таким образом, расхождение в инструкциях и письмах приближенных двора привело к неоднозначной ситуации – у Экспедиции оказалось два начальника. Конфликт с командой отрицательно характеризует Посла. Как отмечал Е.Е. Левенштерн, в ходе миссии Резанов показал свою отрицательную сторону не только словами, но и неподобающим поведением – пьянство, развратные действия. Ратманов отмечал также угрозы Резанова в отношении команды. Характеристики, данные Резанову, подтверждаются его последующими действиями – поведение в ходе Посольства, организация грабежей на Сахалине.

Японцы не проявляли спешки в установлении торговых отношений с Россией, ссылаясь на древние законы и законы о запрете контактов с иностранцами. Результат миссии был заранее обречен на неудачу, что подтверждается многими исследователями. Резанов был крайне недоволен результатами. Он стремился достичь торговых соглашений любыми средствами и организовал «секретную» экспедицию, в результате которой были совершены грабежи и нападения на японские поселения. Роль Резанова как организатора этих событий признается как отечественными, так и зарубежными исследователями. Также нельзя не повторить информацию о душевном состоянии Николая Петровича – его здоровье ставилось под сомнение многими учёными. Этого нельзя не учитывать, особенно при негативной характеристике его действий. После грабежей, организованных Резановым, японцы стали ещё более настороженно относиться к русским и даже готовились к оборонительной войне. В правительстве также шла речь о возможности наступательной войны.

Открытие Японии для торговли с западными державами было результатом давления со стороны США, начиная с 1846 года, и

осуществилось под давлением американской эскадры под командованием М. Перри в 1853-1854 годах. Японцы столкнулись с угрозой военного вторжения и приняли решение подписать временный торговый трактат, опасаясь последствий отказа. Подписание трактата вызвало разногласия среди японского правительства и даймё, однако Сёгун предпочёл подчиниться требованиям американцев, считая этот шаг наиболее разумным. В отличие от американской эскадры, русские миссии к берегам Японии не вызвали подобной эмоциональной реакции у японского правительства и общества, несмотря на отдельные нападения и попытки установить торговые отношения. Во время переговоров с японцами Путятин столкнулся с проблемами, связанными с территориальным вопросом и вопросом торговли. В ходе переговоров были сделаны некоторые успехи: вопрос о границах был частично решён, японцы выразили готовность обсудить торговые соглашения в будущем. Было также решено отправить представителей обеих сторон для исследования Сахалина и определения границы. Путятин получил письменное подтверждение о том, что Япония обязуется подписать с Россией соглашение, аналогичное тому, что будет подписано с другими державами. В зимнее время переговоры возобновились в Симодэ, но были прерваны из-за природных катаклизмов, в частности, сильного землетрясения и цунами. Эти события стали ключевыми в дипломатической истории отношений между Россией и Японией, поскольку японцы оказали помощь русским морякам, что способствовало укреплению отношений между двумя странами. В 1855 году был подписан японо-российский договор о дружбе (Симодский трактат), в котором были решены некоторые территориальные вопросы и открыты порты для русских судов. Вопрос о статусе Сахалина остался нерешённым. Симодский трактат был сформирован по образцу американо-японского договора. Факт мирного подписания договора не является показателем внешней политики России, но является скорее результатом убеждения японцев в неизбежности подписания договоров с другими державами после заключения договора с США.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН : Ф. 16. Оп. 1. Д. 1, 32 л.
2. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН : Ф. 16. Оп. 1. Д. 5, 2 л.
3. Бедняк И.Я. Очерки новой истории Японии (1640-1917). М.: Изд-во вост. лит., 1958. 598 с.
4. Венюков М.И. Очерки Японии. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. 441 с.
5. Военский К.А. Посольство Резанова в Японию в 1803–1805 гг. Русская старина, 1895. № 7. С. 201–235.
6. Голованов В. Одна «НАДЕЖДА» на двоих, 27.07.2006. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/308/> (дата обращения: 29.06.2022).
7. Гражданин // г. Военский и «Русская старина». 14 Октября 1895. № 283.
8. Гюбнер И. А. Прогулка вокруг света. 1871. Т. 1–2. 408 с.
9. Ермакова Л. М. Описания Японии в старописьменной русской культуре XVII века // Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers, 2001. С. 175–203.
10. Инструкция Главного правления Российско-Американской компании начальнику первой русской кругосветной экспедиции капитан-лейтенанту И. Ф. Крузенштерну. *Электронный архив*. Фонд Санкт-Петербургский Главный архив. 29 мая 1803 г. Л. 1-13. I-7. Опись 6. 1802. Д. 1. п. 27. 295 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/334706> (дата обращения: 27.06.2023).
11. Кириченко А. А. Из ранней истории российско-японских отношений. Очерки, исследования, разработки. Институт востоковедения РАН, 2001. С. 316–335.

12. Климов В.Ю. Рукопись «Дело о повторном разбое русских на [землях] Эдзо» 「魯人再掠蝦夷」 (родзин сайряку эдзо) // Николай Невский: жизнь и наследие: Сборник статей. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. С. 129-148.
13. Кондратьева М. Ю. Влияние действий посланника Резанова на исход посольской миссии и на последующие события в российско-японских отношениях. Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 2. С. 22–30.
14. Кондратьева М. Ю. Посольство Николая Петровича Резанова и Российско-Японские отношения в начале XIX века, Студенческие дни науки в ТГУ – 2020. С. 174-177.
15. Костылёв В.Я. Очерк по истории Японии. СПб., 1888. 446 с.
16. Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб.: Лань, 1999. 416 с.
17. Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805, 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». Санкт-Петербург, 1809. Т.1. – Т.3.
18. Кузнецов А. П. Вклад И. А. Гошкевича в становление русско-японских отношений в XIX веке. Санкт-Петербургский государственный университет; Науч.ред. Л. В. Зенина. СПб: 100 Аж, 2007. 128 с.
19. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1988. 384 с.
20. Левенштерн Е. Е. Вокруг света с Иваном Крузенштерном: Дневник лейтенанта «Надежды» (1803–1806): Самое полное описание первого Российского Кругосветного Плавания. ЦКП ВМФ, 2003. 600 с.
21. Махов В.Е. Фрегат «Диана» - Путевые записки бывшего в 1854-1855 годах в Японии протоиерея. Санкт-Петербург: Тов-во «Общественная польза», 1867. 65 с.
22. Новаковский С.И. Япония и Россия – Токио, 1918. 210 с., 25 л. ил., карт., портр.
23. Новое время // Письмо в редакцию. 18 Октября. 1895. № 7042.

24. Новое время // Письмо в редакцию. 17 Октября. 1895. № 7053. Новое время // Письмо в редакцию. 20 Октября. 1895. № 7056.
25. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Фонд 73. Оп. 1. Д. 341.
26. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 152. Оп. 1. Д. 379.
27. Позднеев Д. М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России: Т. 2. Ч. 1. Отношения к народам Маньчжурии и данные по истории Мацумаасского клана. Иокохама. Токио: Тип. Ж. Глюк, 1909. 178 с.
28. Позднеев Д. М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России: Т. 2. Ч. 2. Первые сношения с Россией в жизни Северной Японии. Токио: Тип. Ж. Глюк, 1909. 307 с.
29. Позднеев Д. М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России: Т. 1. Данные географические и этнографические. Иокохама. Токио: Тип. Ж. Глюк, 1909. 521 с.
30. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 90. Д. 273.
31. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Оп. 1. Д. 217.
32. Свердлов Л. М. Николай Петрович Резанов (1764–1807) – художественный образ и историческая личность. Московский журнал: история государства Российского, 2012. № 5(257). С. 45–64.
33. Свердлов Л. М. Крузенштерн и Резанов. ООО Евробук, 2006. 152 с.
34. Сгибнев А.С. (1869) Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг. Морской сборник. № 7. С. 1–131.
35. Торкунова А.В., Иокибе М. Российско-Японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография. Моск. гос. ин-т

междунар. отношений (ун-т) МИД России; Ассоциация японоведов. М.: МГИМО Университет, 2015. 1001 с.

36. Трушкин А.Г. Китай и формирование мирового порядка // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология, 2017. Выпуск 4. Т. 16. С.110–114.

37. Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 314 с.

38. Фёдорова О. М. Образ посланника Н.П. Резанова в дневниках его спутников по кругосветному плаванию. Псков - Москва, 2016. Книга II. С. 104–115.

39. Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века) // Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 688 с. Щепкин В.В. Дискуссия японских мыслителей XVIII - XIX вв. о морской обороне // Страны и народы Востока. Вып. XXXIII. М.: Восточная литература, 2010. С. 167–175.

40. Щепкин В. В. Первые сведения о Петре I и формирование его образа в Японии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета, 2020. Т. 42. №4. С. 115–122.

41. Lensen G. A. The Russian Push Toward Japan: Russo-Japanese Relations, 1697-1875 Hardcover. August 5, 2011. 582 p.

42. Marius B. Jansen The Cambridge History of Japan. Vol. 5: The Nineteenth Century. Cambridge University Press, 2008. 812 p.

43. Thomas Pierre Gidney Bypassing the Dutch Monopoly of Relations with Japan: Vasily Golovnin's Captivity (1811-1813). TERRAE INCOGNITAE. Vol. 53. No. 2. 2021. P. 135–157.

44. 鎌田作郎 函館市／函館市地域史料アーカイブ - 榎法華村史 - 第十二編 災害 - 第四章 外国船の出現 - 第一節 鎖国中の外国船の出没 - 二前松前、前幕領時代(пер. с японского: Сакуро Камата. История деревни

Тодохоккэ – Часть 12 - Бедствия. Глава 4 - Появление иностранных судов;
Раздел 1: Появление иностранных судов во время уединения – Прибытие
Резанова).

Приложение А

Список используемых источников

Неопубликованные источники

Архивные материалы

1. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 16. С.Г. Елисеева. Оп.1. Работы по истории Японии. Д. 1. Русско-японские отношения и желательность русско-японского союза.

2. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 16. С.Г. Елисеева. Оп.1. Работы по истории Японии. Д. 5 Обзор краткий Русско-Японских отношений за 1804-1815 гг.

3. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 16. С.Г. Елисеева. Оп.1. Работы по истории Японии. Д. 206 Вырезка из газеты «Осака майнити».

4. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 16. С.Г. Елисеева. Оп.1. Работы по истории Японии. Д. 334 Обзор дальневосточного вопроса в конце XIX – начале XX в. С пометкой «конфиденциально».

5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 90. 1809 г. Д. 273 По предложению Синодального Члена, Амвросия, Митрополита Новгородского о том, что отправленный с морскою экспедициею вокруг света для обозрения новокрещенных в американских российских заведениях христиан и евангельского у них учения и богослужении христианского соборный Александро-Невской лавры иеромонах Гедеон возвратился. Тут же о посвящении в сан священника к Кадьякской российско-американской компанейской церкви воспитанника этой компании Прокопия Лаврова и Высочайшее повеление о приискании кандидата, могущего занять место епископа Кадьякского.

6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Департамент полиции исполнительной МВД. Оп. 1. 1802-1810 гг. Д. 217.

Дело о пожаловании пенсионера служившим при Санкт-Петербургском губернском правлении вахмистрам Пучкову и Алексееву. 1805 г.

7. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Фонд 73. Бильбасов В.А. и Краевский. Оп. 1. Д. 341. Резанов Николай Петрович. Всеподданнейшее донесение Резанова из Нагасаки.

8. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Фонд 73. Бильбасов В.А. и Краевский. Ф. 152. Военский Константин Адамович. Оп. 1. Д. 379. «Япония. Документы и материалы, извлеченные из Государственного и Главного Архивов Мин-ва Иностр. Дел». Копии (многие рукою К.А. Военского) и газетные вырезки. В переплете.

9. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Фонд 73. Бильбасов В.А. и Краевский. Ф. 152. Военский Константин Адамович. Оп. 1. Д. 381. Материалы для его работы об Н.П. Резанове и его посольстве в Японию (копии документов, записи и пр.).

10. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Фонд 73. Бильбасов В.А. и Краевский. Ф. 152. Военский Константин Адамович. Оп. 1. Д. 382. Резанов Николай Петрович. Донесение его императору Александру I из Нагасаки.

11. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Фонд 73. Бильбасов В.А. и Краевский. Ф. 152. Военский Константин Адамович. Оп. 1. Д. 386. Пеликан А.А. «Очерки Японии». Печатное (вырезки из журнала «Исторический Вестник»).

12. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Фонд 73. Бильбасов В.А. и Краевский. Ф. 152. Военский Константин Адамович. Оп. 1. Д. 388. Неизвестный («Н.А.»). Статья: «Отрывок из истории наших сношений с Японией. Экспедиция поручика Адама Лаксмана в Японию в 1792 г.» С поправками К.А. Военского.

13. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Фонд 73. Бильбасов В.А. и Краевский. Ф. 152. Военский Константин Адамович. Оп. 2. Д. 1. Военский Константин Адамович. Письмо Михаилу Алексеевичу

Адабашу. Собственноручная копия. Приложение – листки с №№ книг японского отдела библиотеки Военского.

14. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Фонд 73. Бильбасов В.А. и Краевский. Ф. 152. Военский Константин Адамович. Оп. 3. Д. 113. Печатные материалы на японском языке.

15. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Фонд 73. Бильбасов В.А. и Краевский. Ф. 152. Военский Константин Адамович. Оп. 3. Д. 140. Статьи о Японии. На русск., франц. и англ. яз. Газетные вырезки.

16. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Фонд 73. Бильбасов В.А. и Краевский. Ф. 152. Военский Константин Адамович. Оп. 3. Д. 141. Газетные и журнальные вырезки со статьями о Японии. На русск., англ. и немецк. яз.

Опубликованные источники

Электронные ресурсы

17. Инструкция Главного правления Российско-Американской компании начальнику первой русской кругосветной экспедиции капитан-лейтенанту И. Ф. Крузенштерну. *Электронный архив*. Фонд Санкт-Петербургский Главный архив. 29 мая 1803 г. Л. 1-13. I-7. Опись 6. 1802. Д. 1. п. 27. 295 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/334706> (дата обращения: 27.06.2023).

18. 鎌田作郎 函館市／函館市地域史料アーカイブ - 榎法華村史 - 第十二編 災害 - 第四章 外国船の出現 - 第一節 鎖国中の外国船の出没 - 二 前松前、前幕領時代 (пер. с японского: Сакуро Камата. История деревни Тодохоккэ – Часть 12 - Бедствия. Глава 4 - Появление иностранных судов; Раздел 1: Появление иностранных судов во время уединения – Прибытие

Резанова). URL: <https://adeac.jp/hakodate-city/texthtml/d100070/mp000010-100070/ht122100> (дата обращения: 27.06.2023) .

Мемуарная литература

19. Левенштерн Е. Е. Вокруг света с Иваном Крузенштерном: Дневник лейтенанта «Надежды» (1803–1806): Самое полное описание первого Российского Кругосветного Плавания. ЦКП ВМФ, 2003. 600 с.

20. Махов В.Е. Фрегат «Диана» - Путевые записки бывшего в 1854-1855 годах в Японии протоиерея. Санкт-Петербург: Тов-во «Общественная польза», 1867. 65 с.

Периодические издания

Газеты

21. Письмо в редакцию. Новое время // 18 Октября. 1895. № 7042.

22. Письмо в редакцию. Новое время // 17 Октября. 1895. № 7053.

23. Письмо в редакцию. Новое время // 20 Октября. 1895. № 7056.

